

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ ВАЛЕНТИН МЗАРЕУЛОВ

**СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА
1946 — 2020 ГОДЫ**

ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА И КАДРЫ

**Александр Иванович Колпакиди
Валентин Константинович Мзареулов
Внешняя разведка СССР
– России. 1946–2020 годы.
История, структура и кадры
Серия «Иллюстрированная
хроника тайной войны»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64028646

*Внешняя разведка СССР-России. 1946-2020 годы. История, структура
и кадры: Родина; Москва; 2021
ISBN 978-5-00180-097-2*

Аннотация

С началом «холодной войны» советская внешней разведка, благодаря 25-летнему участию в боях на тайном фронте, оказалась готова к новым сражениям. Серьезным испытанием для нее стала геополитическая катастрофа – распад СССР. Несмотря на трудности Служба внешней разведки РФ возродила былую славу советской предшественнице.

Впервые подробно и достоверно рассказано о большинстве операций советской и российской внешней разведки с

момента начала «холодной войны» до 2020 года. Биографии руководителей, кадровых сотрудников и ценных агентов. Структура центрального аппарата и зарубежных резидентур.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	5
Комитет информации или «наше ЦРУ»	15
Последние шаги Сталина	33
Чистка – находка для шпионов	62
Глава 2	66
Павел Судоплатов и атомная бомба	69
Первое знакомство	74
Таинственная группа “С”	76
Рождение отдела «С»	85
Чем занималось и кому подчинялось	92
«Спецбюро № 2»	
Отдел «С» начинает действовать	96
Одиссея Клауса Фукса	108
Дело Розенбергов	132
Кто вы, Гарри Голд?	147
«Провал» по-американски	150
«Провал» по-советски	154
Неизвестный Бруно Понтекорво	158
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Александр Колпакиди, Валентин Мзареулов Внешняя разведка СССР- России. 1946–2020 годы. История, структура и кадры

Глава 1

*«У чекиста есть только два пути – на
выдвижение или в тюрьму»*

*Приписываемая И. В. Сталину фраза, октябрь 1951
года*

Менее чем через год после окончания Великой Отечественной войны органы госбезопасности СССР подверглись очередной реорганизации. Приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 года в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 года НКГБ СССР был преобразован в Министерство государственной безопасности СССР. Соответственно были преобразованы и местные управления и отделы НКГБ – в управления и отделы МГБ.

4 мая 1946 г. сменилось руководство МГБ: новым министром вместо В. Н. Меркулова стал начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов. При этом была проведена реорганизация, затронувшая и разведку: 1-е Управление МГБ было развернуто в Главное управление.

Для понимания складывающейся в спецслужбах ситуации необходимо коснуться происходивших в то время в Кремле и на площади Дзержинского подковерных политических интриг. Меркулов относился к числу давних соратников Л. П. Берия и его отставка являлась одним из ходов в борьбе между 1-м секретарем Ленинградского горкома и обкома и секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым и тандемом Берия и Маленкова. Новый министр Абакумов, хоть сам и не входил в число людей Жданова, но был в плохих отношениях с Берия.

1-е Управление, ставшее Главным, увеличило свой штат, в его составе появились Управления – так, был преобразован в Управление отдел нелегальной разведки, несколько изменилась специфика работы разведчиков «в поле», которые столкнулись с более жестким контрразведывательным режимом. Для наглядности, приведем новую структуру и кадровый состав:

Начальники Главного управления – *П. Н. Кубаткин* (15.6–9.9.46), *П. В. Федотов* (9.9.46–30.5.47)

Заместители начальника: *Г. Б. Овакимян* (22.5.46–

25.6.47), *А. М. Коротков* (22.5.46–25.6.47), *П. П. Тимофеев* (22.5.46–25.6.47), *А. П. Волков* (26.11.46–25.6.47).

Заместитель начальника – представители 1-го ГУ в Берлине: *В. Е. Зарелуа* (27.6.46–19.6.47)

Заместитель начальника – представители 1-го ГУ во Львове: *М. И. Белкин* (27.6.46–19.6.47)

Заместитель начальника – представители 1-го ГУ в Баку: *П. М. Журавлев* (27.6.46–25.6.47)

Секретариат – *А. И. Боханов*, с 01.47 – *Ф. К. Пильнов*

Управление «1-А» (легальной разведки) – *А. М. Отрощенко*

- Отдел «1-А» (английский) – *А. В. Горский*
- Отдел «2-А» (американский) – *А. Г. Граур*
- Отдел «3-А» (Латинская Америка) – неизв.
- Отдел «4-А» (Германия) – *М. Ф. Лебедев*
- Отдел «5-А» (славяно-балканский) – *С. С. Спандарьян*
- Отдел «6-А» (романский) – неизв.
- Отдел «7-А» (скандинавский) – *А. М. Сахаровский*
- Отдел «8-А» (ближневосточный) – *М. Г. Нацвлишвили*
- Отдел «9-А» (дальневосточный) – *П. А. Шибает*
- Отдел «10-А» (эмиграция) – *А. С. Гукасов*

Управление «1-Б» (нелегальной разведки) – *А. М. Коротков*

- Отдел «1-Б» (англо-американский) – *Е. П. Мицкевич*
- Отдел «2-Б» (европейский) – *Б. М. Афанасьев*
- Отдел «3-Б» (ближневосточный) – с 3.10.46 *А. Ф. Сененков*

Сененков

- Отдел «4-Б» (дальневосточный) – *А. Ф. Сененков*, с 3.10.46 – *С. Л. Рудченко*;
- Отделение «1-Б» (прикрытие и связь) – неизв.
- Отделение «2-Б» (документация) – неизв.

Отдел «1-В» (информационный) – *М. А. Аллахвердов*

Отдел «1-Г» (по советской колонии) – *С. М. Федосеев*

Отдел «1-Д» (оперативный учет, выдача виз) – неизв.

Отдел «1-Е» (научно-технической разведки) – *Л. П. Василевский*

Отделение «К» (кадров) – неизв.

Отделение «Р» (радиосвязи) – неизв.

Отделение «Ш» (шифровальное) – неизв.

Разведывательная школа (РАШ) – *Е. И. Кравцов*

Штат центрального аппарата насчитывал около 600 чел.

Была укреплена региональная структура: в дополнение к 1-м отделам территориальных МГБ – УМГБ на местах были созданы представительства Центра, занимавшиеся разведкой на своих географических направлениях. Таких было четыре: в Берлине, Львове, Баку и Владивостоке. Их руководители также имели ранг заместителя начальника Главного управления.

Представительство в Берлине занималось разведкой в Центральной и Западной Европе.

Представительство в Львове отвечало за регион Восточной Европы и Балкан.

Представительство в Баку занималось Турцией, Ираном, Афганистаном и Египтом.

Представительство во Владивостоке занималось Японией, Китаем и Кореей.

Заместители начальника нового Главка Г. Б. Овакимян, А. М. Коротков и П. М. Журавлев и большинство начальников подразделений хорошо знакомы нам по довоенным и военным временам – все они были опытнейшими разведчиками, оставившая яркий след в истории внешней разведки. Заместитель начальника Главка генерал-лейтенант П. П. Тимофеев, пришедший в ЧК еще в 1919 году, в годы войны возглавлявший немецкий отдел 2-го Управления НКГБ – НКВД и отдел зафронтной разведки ГУКР СМЕРШ, а затем с конца 1943 года работавший помощником самого

Абакумова. Генералы Зарелуа и Белкин не имели разведывательного опыта и являлись кадровыми сотрудниками СМЕР-Ша. Однако следует заметить, что страны, относящиеся к их сфере ответственности, были в большинстве своем разрушены войной и оккупированы советскими, английскими или американскими войсками, их государственность лишь начала восстанавливаться, поэтому специфика работы разведки в них мало отличалась от хорошо освоенной СМЕРШем работы в прифронтовой полосе.

Таким образом, центральный аппарат сохранил высоко-профессиональный и вместе с тем довольно аполитичный в смысле соперничества Абакумова и Берия «костяк» кадровых разведчиков в среднем звене под руководством лояльных к противникам Берия контрразведчиков Кубаткина и Тимофеева.

Маршалы Советского Союза И. С. Конев и Г. К. Жуков и В. С. Абакумов. Кремль

Вместе с тем, никакие подковерные кадровые игры ни в коем случае не могли полностью свести на нет участие Берия в работе Главного управления. Не следует забывать, что одной из приоритетнейших задач разведки в этот период являлась внедрение в англо-американский атомный проект, которое осуществлялось именно в интересах возглавляемого Берия Спецкомитета при Совете Министров СССР. Это направление Спецкомитет курировал совершенно официально через самостоятельный отдел «С» возглавляемый генерал-лейтенантом П. А. Судоплатовым.

Эта команда, однако, продержалась недолго. Кубаткин новую должность явно «не тянул». Он практически не оста-

вил следа в истории разведки, поэтому о конкретных причинах его отставки приходится только гадать, но факт остается фактом – менее чем через три месяца он был отозван в распоряжение Управления кадров МГБ, а на его место был переведен начальник контрразведки генерал-лейтенант П. В. Федотов, ставший по совместительству заместителем министра. В очерке историка внешней разведки В. С. Антонова упоминается, что причиной мог стать рапорт Кубаткина «по собственному желанию». Это действительно возможно – разведка переживала непростые времена, связанные не только с организационными мероприятиями, но и с ликвидацией последствий тяжелого провала нелегальной сети в США и непрофессионал, к тому же, вероятно, впервые столкнувшийся с атомной тематикой, вполне мог отказаться от столь неподъемной работы.

Другая версия, которая почти дословно фигурирует в нескольких жизнеописаниях Кубаткина от разных авторов – о том, что его смещение с поста начальника разведки могло быть следствием «ленинградского дела», которое якобы раскручивалось именно в это время – не выдерживает никакой критики. Да, действительно, 3 года спустя он будет арестован и впоследствии расстрелян именно как пособник «ленинградской группировки», но дело в том, что ни в 1946 году, ни в 1947, ни вообще когда-либо при жизни Жданова этого дела не существовало и в помине.

Так или иначе, единственным сколько-нибудь значимым

наследием Кубаткина стал перевод в ПГУ ряда сотрудников Ленинградского УМГБ, занявших впоследствии руководящие должности: как например будущий начальник разведки А. М. Сахаровский или А. В. Красавин.

Небезынтересно сравнить служебные характеристики Кубаткина и его преемника Федотова.

При назначении Кубаткина на следующую должность начальника УМГБ по Горьковской области (конец 1946 года) замминистра по кадрам М. Г. Свинелупов писал:

«За время работы в органах т. Кубаткин проявил себя квалифицированным оперативным работником, неплохой организатор, активно участвовал в партийно-общественной работе, неоднократно избирался на руководящие должности партийно-советских органов. В 1946 году избран депутатом Верховного Совета СССР.

Вопросы решает смело, проявляя при этом излишнюю поспешность и непродуманность. В проведении оперативных мероприятий решителен. Недостатком т. Кубаткина является проявление грубости к подчиненным»¹.

А вот характеристика на Федотова, написанная во время его службы на Северном Кавказе в 20-е – 30-е годы.

«...Весьма добросовестный, честный и преданный работник. Свою работу знает хорошо, проявляет в ней большую инициативу. В выполнении заданий медлителен, что окупа-

¹ В. Бережков. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга.

ется чрезвычайной тщательностью работы и продуманностью подхода к ней...»²

Как видим, в профессиональном плане они были абсолютными антиподами.

О принадлежности Федотова к какой-либо группировке говорить сложно. По формальным признакам его можно было бы назвать «бериевцем» – с приходом Берия он был назначен начальником сперва секретно-политического отдела в 1939 году, а затем и контрразведки. Однако в данном случае следует говорить скорее о естественном служебном росте, а не о каком-либо покровительстве со стороны наркома. Более того, в силу того, что многочисленные операции контрразведки в предвоенные и военные годы против немцев, а затем и западных союзников постоянно находились в поле зрения самого Сталина, какие-либо предпочтения Аббакумова, Берия или Жданова значения не имели. Федотов был в первую очередь ставленником самого Вождя.

² О. К. Матвеев и В. М. Мерзляков. Академик контрразведки

Комитет информации или «наше ЦРУ»

Постановлением Совета Министров СССР № 1789—470сс от 30 мая 1947 года был создан Комитет информации при Совете Министров СССР (Комитет № 4), куда вошли Первое главное управление МГБ, ГРУ Министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК ВКП(б), МИДа и Министерства внешней торговли. Первым начальником КИ стал *В. М. Молотов*, по прежнему занимавший пост министра иностранных дел СССР.

В чем же причина такой радикальной, не имеющей прецедентов в истории Органов реформы? Тут нам придется ненадолго оставить Москву и обратить внимание на происходящее за океаном.

В. М. Молотов

Читателю, поверхностно знакомому с основными вехами борьбы тайных служб может показаться, что в мае 1947 года

в США вовсе не существовало политической разведки. Это не совсем верно. Действительно, 1 октября 1945 года, то есть сразу же после капитуляции Японии, американцы расформировали свой главный разведывательный орган – Управление стратегических служб – и лишь 18 сентября 1947 г. на смену ему было создано ЦРУ. Но это не означает, что в этом двухлетнем промежутке не существовало ничего. В Вашингтоне, так же как и в Москве в этот период готовились к новому раунду глобального противостояния и также вырабатывали оптимальную форму инструмента для прогнозируемой в будущем новой войны – как «холодной», так и возможной «горячей». В день расформирования УСС на базе частей SI (секретная разведка) и X-2 (внешняя контрразведка) в военном министерстве было создано Подразделение стратегических служб (Strategic Services Unit – SSU), а часть R&A (Research and Analysis Branch – исследования и анализ) была передана во внешнеполитическое ведомство – Государственный департамент. Запомним этот момент! Затем 22 января 1946 г. президент США Г. Трумэн приказал создать на базе подразделения стратегических служб Центральную разведывательную группу, которая полтора года спустя и была преобразована в ЦРУ³.

³ Warner M., *Salvage and Liquidation. The Creation of the Central Intelligence Group. Intelligence Today and Tomorrow*, Vol.39, No.5, 1996

Здание Комитета информации в Ростокино

Разумеется эти детали (как и сопутствующие межведомственные интриги и борьба за финансирование) были секретны. Однако, слухи о ней, той или иной степени правдивости, могли циркулировать по кабинетам всех заинтересованных ведомств – самого УСС, Госдепа, Пентагона, Белого Дома, ответственного за бюджет Министерства торговли, а возможно и английских коллег из СИС (вроде Кима Филби). А как мы помним, американский госаппарат в это время был пронизан агентурой НКГБ и ГРУ. Не претендуя на полную достоверность, все же рискнем предположить, что искаженная информация о промежуточных шагах – а именно о том,

что УСС было передано в Госдепартамент, причем в его работе какую-то роль играют военные – дошла до Кремля и подтолкнула Сталина «встрягнуть» разведку таким же образом. Неверно понятым образом – если у американцев речь шла о восстановлении единого целого из осколков, временно оказавшихся в распоряжении дипломатов и вооруженных сил, то в СССР оказались слиты вместе именно самостоятельные организации.

Что же представлял собой Комитет информации?

Традиционно начнем с кадров и структуры. Первым заместителем председателя до мая 1948 г. был дипломат – заместитель министра иностранных дел СССР Я. А. Малик. Заместителями были назначены представители от госбезопасности и армии – бывший начальник ПГУ МГБ СССР генерал-лейтенант *П. В. Федотов* и бывший начальник ГРУ Генштаба Советской Армии генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов. По некоторым данным, заместителем председателя КИ являлся также военный разведчик генерал-лейтенант Леонид Васильевич Онянов.

Я. А. Малик. 1952 г., выступление в ООН

Структура КИ, реконструированная на основе имеющихся публикаций имела следующий вид:

Секретариат

1-е Управление (англо-американское)

2-е Управление (европейское)

3-е Управление (восточное)

4-е Управление (нелегальной разведки)

5-е Управление (информация, дезинформация, научно-техническая разведка)

6-е Управление (военной разведки)

7-е Управление (шифровальное)

1-й отдел (использование министерств и ведомств СССР в разведывательных целях)

2-й отдел (эмиграция, перемещенные лица)

Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при СМ СССР

Ф. Ф. Кузнецов – заместитель председателя

Отдел опертехники

Отдел связи

Административно-хозяйственный отдел

Финансовый отдел

Отдел кадров

Особая инспекция

Разведшкола (РАШ)⁴

В сентябре 1948 г. РАШ была преобразована в Высшую разведывательную школу.

Персональный состав КИ мы рассмотрим ниже. Пока же следует отметить распределение чекистов и военных разведчиков. В большинстве случаев руководителями подразделений (кроме 6-го Управления) назначались бывший сотрудники ПГУ МГБ, а за военными, как правило, закреплялись должности заместителей начальника Управлений или, в редких случаях, начальников отделов в составе Управлений.

В записке Сталину в сентябре 1947 г. Молотов предлагал в качестве задач КИ «срывать маски с антисоветской деятельности иностранных кругов, влиять на общественное мнение в других странах, компрометировать антисоветски настроенных политиков в иностранных правительствах».

Личный состав всех этих служб был сведен в единый аппарат, размещенный возле ВДНХ в зданиях, где когда-то работал Исполком Коминтерна.

Для руководства разведаппаратами за рубежом в КИ был

⁴ Петров Н. Кто руководил органами госбезопасности: 1941–1954. М., 2010.

введен так называемый институт Главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким Главным резидентом стал опытный чекист *Александр Семенович Панюшкин*. С ноября 1947 по июнь 1952 года он был послом в США, являясь одновременно Главным резидентом внешней разведки в этой стране. Но если Панюшкин, как профессионал, соответствовал новой должности, то многие другие послы были просто некомпетентны в разведывательной работе. В результате резиденты внешней и военной разведки шли на многочисленные уловки, чтобы не информировать послов о проводимой ими работе. Кроме того, создание КИ увеличило поток бюрократических бумаг, что затрудняло процесс принятия решений.

Еще одним негативным фактором оказался отрыв КИ от территориальных структур разведки. Аналогом ПГУ на республиканском и областном уровне являлись 1-е Управления и отделы территориальных МГБ – УМГБ. Они выполняли второстепенные, но достаточно обширные задачи – в частности, по разработке национальной эмиграции – но тем не менее передаче в КИ не подлежали.

Новая организация разведки не устраивала ни МГБ ни военных. Явно подчиненное положение военных разведчиков дало повод министру вооруженных сил Н. А. Булганину обрушиться на новое ведомство с критикой. К началу 1949 года, когда позиции Молотова в кремлевском руководстве были подорваны из-за ареста его жены Полины Жемчужиной,

эта атака возымела эффект. Сначала, 29 января 1949 г. КИ был переподчинен внешнеполитическому ведомству и стал именоваться КИ при МИД СССР. Согласно приказу:

«Комитет информации не становится частью Министерства иностранных дел ни административно, ни финансово, ни организационно, оставаясь независимым учреждением. Комитет информации является секретной организацией и финансируется из специальных фондов Совета Министров СССР».

В феврале 6-е Управление КИ вернулось в состав Генерального штаба, где после еще нескольких ступеней реорганизаций было восстановлено ГРУ. Наконец 3 марта сам Молотов оставил посты министра иностранных дел и председателя КИ.

А. Я. Вышинский

19 мая руководство Комитетом ненадолго взял на себя новый министр А. Я. Вышинский, заместителями председателя в тот же день стали работники МИД заместитель министра Валериан Александрович Зорин и Чрезвычайный и Полномочный Посол в Греции (а также бывший начальник Разведуправления ВМФ) контр-адмирал Константин Константинович Родионов. Тогда же был введен институт членов Комитета информации⁵. 1 июня 1949 г. Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при СМ СССР передано из КИ в подчинение ЦК ВКП(б) и преобразовано в Комиссию по выездам за границу при ЦК ВКП(б).

2 августа 1949 г. Вышинский уступил пост председателя Комитета своему заместителю по обоим линиям – МИД и КИ – В. А. Зорину. 20 августа был назначен новый первый заместитель председателя КИ – генерал-лейтенант С. Р. Савченко, кадровый чекист, пришедший с поста министра госбезопасности Украины. Он взял на себя фактическое руководство оперативными подразделениями разведки.

Осенью того же года министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов добился возвращения в МГБ минимально необходимых для организации единого контрразведывательного

⁵ Аналог Коллегий в министерствах. Поскольку само слово комитет подразумевало коллегиальность, высшим совещательным органом в различных комитетах являлись члены комитета.

процесса функций работы по эмиграции и обслуживания советской колонии. Приказом МГБ СССР № 00333 от 17 октября 1949 года на базе 2-го отдела КИ и подразделений оперативных Управлений КИ, занятых работой по совколонию было создано 1-е Управление МГБ.

В марте 1950 г. К. К. Родионов, который несмотря на назначение так и не приехал в Москву и все это время оставался в Греции, был снят с должности заместителя председателя КИ и переведен Чрезвычайным и Полномочным послом в Швецию. Вместо него были назначены два заместителя председателя из числа кадровых сотрудников внешней разведки НКВД – МГБ – генерал-майор П. М. Журавлев и полковник В. П. Рошин. В эти же дни произошли кадровые перестановки в неоперативных подразделениях – секретариате, информационном управлении, отделе кадров, разведшколе и т. д. (подробнее см. ниже). Также в 1950 г. 4-й отдел 5-го Управления, занимавшийся научно-технической разведкой, был преобразован во 2-й отдел КИ.

В апреле 1950 г. решением Политбюро для «взаимной помощи в разведывательной работе против капиталистических государств и клики Тито в Югославии» при разведывательных службах стран народной демократии – Албании, Болгарии, Венгрии, Китая, КНДР, Монголии, Польши и Чехословакии (в ГДР разведка, и, соответственно, представительство КИ были созданы позже) – были созданы представительства КИ.

Подразделениями КИ руководили:

Секретариат:

Главные секретари – А. С. Панюшкин (30.5 – 24.10.47), Г. В. Бочаров (48–50, и. о.), И. И. Тугаринов (10.3.50–12.1.52)

1-е Управление

Англо-американское. Начальники – К. М. Кукин (10.47 – 8.50), А. И. Раина (24.8.50–12.1.52), полковник;

2-е Управление

Европейское. Начальник – И. И. Агаянц (24.7.47–12.1.52).

3-е Управление

Восточное. Начальник – А. М. Отрощенко (24.7.47–12.1.52).

4-е Управление

Нелегальная разведка. Начальники – А. М. Коротков (24.7.47 – 9.9.50), А. В. Тишков (4.51–12.1.52), полковник;

5-е Управление

Информация, дезинформация, до 1950 г. также научно-техническая разведка. Начальники – П. М. Журавлев (24.7.47–13.3.50), С. П. Новоселов (12.1950 – 12 января

1952 г.), подполковник;

6-е Управление

Военная разведка (до 2.49). Начальник – М. Ф. Панфилов (24.7.49–29.1.49)

7-е Управление

Шифровальное. Начальники неизвестны.

1-й отдел

Использование министерств и ведомств СССР в разведывательных целях. Начальник – С. М. Федосеев (24.7.49–29.12.51)

2-й отдел

Эмиграция, перемещенные лица (до 1949). Начальник – А. С. Гукасов (24.7.47 – 3.49)

2-й отдел (II)

Научно-техническая разведка (с 1950). Начальники – А. И. Раина (1950, и. о.), Л. Р. Квасников (9.50–12.51)

Отдел кадров

Начальник – В. Л. Анисимов (9.47–12.51 и 4.53 – 4.56)

Особая инспекция

Начальники – А. Ф. Сененков (7.47–25.9.51), *Ф. А. Скрыгин* (10–12.51)

РАШ – ВРШ

Начальники – *Е. И. Кравцов* (6 – 10.47), *М. А. Аллахвердов* (47 – 9.48, и. о.), А. Ф. Маланичев (9.48 – 1.49), *М. А. Аллахвердов* (1.49 – 2.50, и. о.), *В. В. Гриднев* (2–3.50, и. о., 8.3.50–11.51)

В таком виде Комитет просуществовал до конца 1951 года, когда его оперативные управления и отделы вернулись в МГБ. Эксперимент оказался явно неудачным, однако имел и положительные стороны – нахождение в составе МИДа уберегло внешнюю разведку от последствий чистки, которая летом 1951 года развернулась на площади Дзержинского.

Последние шаги Сталина

Как отмечалось выше, в октябре 1949 г. в МГБ было создано новое 1-е Управление. На него было возложено контрразведывательное обеспечение совколоний и выявление и пресечение подрывной деятельности контрразведывательных органов капиталистических стран и эмигрантских центров, направленной против СССР.

Управлением руководили генерал-майоры *Г. В. Утехин* (27.10.49–21.9.51 г.) и *А. П. Бызов* (21.9 – 14.11.51). Заместителями начальника были генерал-лейтенант *М. И. Белкин* (9.3.50 – 1.8.51), полковник *С. Н. Карташов* (4.1 – 14.11.51) и подполковник *В. А. Голик* (23.8 – 14.11.51), помощником начальника – генерал-майор *В. Я. Барышников* (27.12.49–14.11.51).

Штаты 1-го Управления были объявлены приказом МГБ № 00370 от 15 ноября, а расстановка личного состава – приказом МГБ № 00450 от 27 декабря 1949 г.:

1-й отдел (советские колонии, делегации, моряки заграничного плавания в Англии, США, странах Востока) – *Ф. К. Пильнов* (27.12.49–14.11.51)

2-й отдел (советские колонии, делегации, моряки заграничного плавания в Европе) – *Н. А. Кожевников* (27.12.49–14.11.51)

3-й отдел (эмиграция) – *А. С. Гукасов* (27.12.49–14.11.51)

4-й отдел (особые задания по ликвидации и диверсиям)

5-й отдел (внешняя контрразведка)

6-й отдел (советники МГБ за рубежом)

7-й отдел (учетно-информационный) – Л. А. Студников
(27.12.49–14.11.51)

8-й отдел (связь, нелегалы)

Управление, хоть и действовало за границей, имело в первую очередь контрразведывательный профиль, что нашло отражение в кадровом составе. Его руководители Утехин, Белкин, Карташов и Барышников были опытными чекистами, сделавшими карьеру в контрразведке СМЕРШ во время войны. Бызов же долгое время работал на периферии. Что же касается 4-го, 5-го и 8-го отделов, выполнявших традиционные функции разведки, они дублировали существующие подразделения Комитета информации и диверсионно-разведывательного отдела МГБ (во главе с Павлом Судоплатовым), не имели начальников и, по видимому, фактически не функционировали.

В июле 1951 г. министр госбезопасности В. С. Абакумов был арестован, на смену ему 9 августа был назначен заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) С. Д. Игнатьев. В МГБ началась чистка. Многие руководители, взлетевшие за последние годы были арестованы, а «для укрепления кадров» заместителями начальников практически во все подразделения МГБ были назначены партийные работники. Не миновала чаша сия и 1-е Управление. В тюрьме оказались Утехин и Белкин, а на пост

заместителя начальника пришел бывший секретарь Винницкого обкома КП(б) Украины В. А. Голик.

Для выполнения поставленных перед ним задач 1-е управление имело собственные резидентуры в советских представительствах за рубежом, а при органах безопасности стран народной демократии действовали аппараты советников.²² 22 октября 1951 г. было введено в действие «Наставление для советников министерства государственной безопасности СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии». С ним можно ознакомиться в приложениях.

1 ноября 1951 года во избежание ненужного параллелизма было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) П84/213 об объединении двух разведок. Загранаппараты КИ и 1-го управления МГБ были объединены. Оно было организационно приказом № 00796 от 2 ноября 1951 г. На базе оперативных Управлений и отделов Комитета информации создавалось 1-е Главное управление МГБ, куда приказом № 00817 от 14 ноября 1951 г. вошло также 1-е Управление. Резидентуры КИ и 1-го Управления объединялись. При этом советнические аппараты при союзных органах безопасности и представительства при разведках первое время продолжали существовать раздельно.

С. Д. Игнатъев

Оставшийся после этого так называемый «маленький» Комитет информации при МИДе СССР просуществовал до 1958 года, когда, утратив функции спецслужбы, был преобразован в Управление внешнеполитической информации (уже не «при», а в структуре МИДа). Часть функций КИ перешла в Отдел информации ЦК КПСС (существовавший до 1959 года, его заведующим был Георгий Максимович Пушкин). Впрочем, дезинформация оставалась в ведении КИ (2-я служба или служба «Д», в ПГУ отдел дезинформации был образован в январе 1959 г. во главе с И. И. Агаянцем).

1 ноября 1951 года в связи с окончательной передачей разведывательных функций из Комитета информации при МИДе СССР в Министерство государственной безопасности СССР приказом МГБ в МГБ было вновь образовано Первое главное управление. Возглавил его *Сергей Романович Савченко*, который стал также заместителем министра госбезопасности. 1-м заместителем начальника был назначен бывший руководящий работник аппарата ЦК ВКП(б) *В. П. Доброхотов*, заместителями – *А. М. Коротков*, *А. В. Тишков*, *А. И. Раина* и *С. М. Федосеев*. 15 января 1952 г. были назначены начальники Управлений и отделов. Структура и расстановка штатов выглядели следующим образом:

Секретариат – *Ф. Я. Губаренко*

1-е Управление (нелегальной разведки) – *А. М. Коротков*

- 1-й отдел (англо-американский) – *В. Г. Павлов*
- 2-й отдел (европейский) – *И. Ф. Ширяев*
- 3-й отдел (восточный) – *В. Г. Чернявский*
- 4-й отдел (подготовка нелегалов) – *П. Н. Игнатов*
- 5-й отдел (обеспечение нелегалов документами) – *П. П.*

Коврыженко

- 6-й отдел (связь) – *А. Н. Прудников*

2-е Управление (англо-американское) – *А. В. Горский*

- 1-й отдел (США и Канада) – *П. Ф. Мазур*
- 2-й отдел (Англия и доминионы) – *А. С. Феклисов*
- 3-й отдел (Латинская Америка) – *М. М. Сумской*, с октября 1952 г. – *М. Ф. Шишкин*

3-е Управление (западноевропейское) – *И. И. Агаянц*

- 1-й отдел (Франция, Бенилюкс, Швейцария, Италия, Испания, Португалия) – *А. И. Шитов*
- 2-й отдел (страны Скандинавии, Исландия) – *А. Г. Ильичев*
- 3-й отдел (балканский) – *П. Н. Елисеев*

4-е Управление (восточное) – *А. М. Отрощенко*

- 1-й отдел (Япония) – *П. Г. Цветков*
- 2-й отдел (Юго-Восточная Азия) – *С. С. Гамрекели*
- 3-й отдел (Средний Восток) – *В. Г. Соснин*
- 4-й отдел (Ближний Восток) – *В. И. Старцев*

5-е Управление (информационное) – С. П. Новоселов

- 1-й отдел (англо-американский) – вакансия
- 2-й отдел (европейский) – А. Е. Ковалев
- 3-й отдел (восточный) – *Ф. А. Скрягин*
- 4-й отдел (по международным организациям) – В. П. Покровский

Бюро переводов – О. Н. Басова-Левашова

Оперативная библиотека – неизв.

1-й отдел (Германия, Австрия) – *Е. И. Кравцов*

2-й отдел (сотрудничество с органами безопасности стран народной демократии) – *С. Н. Карташов*

3-й отдел (эмиграция) – вакансия

4-й отдел (научно-техническая разведка) – *Л. Р. Квасников*

5-й отдел (разведка с территории СССР, обслуживание советских делегаций и экипажей заграничного плавания) – *Д. И. Соколин*

6-й отдел (радиосвязь) – А. М. Панкратов

7-й отдел (оперучет и архивы) – М. С. Поляков

8-й отдел (шифровальный) – А. С. Щеколдин

Отдел кадров – *В. Л. Анисимов*⁶

⁶ Петров Н. Кто руководил органами госбезопасности: 1941–1954. М., 2010.

Мы понимаем что читателя может утомить однообразное на первый взгляд перечисление фамилий и номеров подразделений. Поэтому следует сделать паузу и оценить происходящее.

Как видно, за шесть послевоенных лет только основной аппарат политической разведки четырежды принципиально изменился.

1. Весна – лето 1946 г. – повышение статуса с Управления МГБ до Главного управления с резким ростом численности.

2. Весна – лето 1946 г. – объединение разведки МГБ с военной разведкой Генштаба с выводом из подчинения чекистского ведомства.

3. Начало 1949 г. – выделение военной разведки с сохранением подчинения руководству Министерства иностранных дел.

4. Конец 1951 – начало 1952 г. – возвращение к исходному статусу Главного управления Министерства госбезопасности.

При этом сохранялся независимый от нее диверсионно-разведывательный аппарат МГБ – все это время существовал отдел «ДР» (ликвидации, диверсии и террор), во главе с *П. А. Судоплатовым*, который 28 сентября 1950 г. был разделен на Бюро № 1 (специальные операции за рубежом) и Бюро № 2 (специальные операции внутри страны), начальники – *П. А. Судоплатов* и *В. А. Дроздов*, соответственно.

После выделения КИ, в крупных территориальных орга-

нах МГБ сохранялись 1-е Управления и отделы.

В 1949–1951 г. существовало действующее за рубежом 1-е Управление МГБ.

Наконец, после восстановления 1-го Главного управления продолжил в урезанном виде существовать КИ при МИД, занимавшийся дезинформацией противника.

Непрерывные реорганизации и дублирование большого количества независимых аппаратов усугублялось еще и нервозной обстановкой в аппарате, вызванной новой волной репрессий и тем, что за это время многосотенный аппарат разведки дважды перемещался географически – сперва переехал в Ростокино при образовании КИ, а затем в течение всего 1952 года возвращался на Лубянку⁷. Естественно, перемещение такого большого количества секретоносителей, перевозка с соблюдением всех мер безопасности служебной документации и инвентаря отняло много рабочего времени.

* * *

Итак, мы видим, что к концу 1951 года разведка в целом пришла именно к той форме, в которой затем существовала до самого развала СССР – Главное управление в составе чекистского ведомства со всеми основными линиями работы (кроме активных мероприятий) – политической, нелегаль-

⁷ Бывших офицеров СС вербовали и до меня. Журнал «Коммерсантъ Власть» № 15 от 19.04.2004, С.74

ной, научно-технической, внешней контрразведкой, информационной, советнической и разведкой с собственной территории. Однако Сталин все еще искал идеальный вариант.

Исследователи последних лет жизни и правления Сталина обычно фокусируют внимание на израильской проблеме и кампании по борьбе с космополитизмом как на стратегической задаче, поставленной перед МГБ. Позволим себе не согласиться с такой оценкой. Действительно, геополитическая игра между СССР, США и Англией за контроль над Израилем как ключевой точкой ключевого ближневосточного региона, и ее отражение на советскую внутреннюю политику, вылившееся в репрессии против «еврейских националистов» занимает львиную долю переписки между Кремлем и Лубянкой. Однако, кризисные точки на планете возникают постоянно и именно в этот период она была далеко не единственной – достаточно вспомнить Берлинский кризис 1948 года и войну в Корее 1950–1953 годов. Совсем рядом с Израилем, в Иране, против Запада (а значит за СССР) выступил премьер-министр Мосаддык. Так что в масштабе всемирного противостояния социалистической и капиталистической систем, орудием которого и являются спецслужбы, борьба МГБ с сионизмом носила характер скорее тактический. Стратегическим вопросом для Сталина был другой – вопрос собственной смерти.

Невозможно оценить, насколько объективно он оценивал состояние своего здоровья, но из многочисленных воспоминаний

наний сотрудников охраны мы знаем, что он принимал все меры безопасности, чтобы исключить хотя бы убийство. Мы не будем вдаваться в конспирологические теории о причинах его смерти. Важно сейчас лишь то, что Сталин понимал – он смертен и более того смертен внезапно. И в 1952 году, вернувшись из затянувшегося полугодового отдыха в Грузии, развил бурную деятельность, призванную наметить курс СССР в будущем.

Своеобразным «завещанием» Сталина в экономической сфере стала работа «Экономические проблемы социализма в СССР». В политической сфере – на созванном в конце года XIX съезде партии была озвучена политическая программа, предусматривающая практическое строительство коммунизма и перестроена под эту задачу партия, получившая новое название – Коммунистическая партия Советского Союза.

Мы же попытаемся понять, каким Сталин хотел оставить после себя аппарат госбезопасности.

Вождь всегда очень внимательно наблюдал за происходящим в стенах «дома 2» на площади Дзержинского. Система «сдержек и противовесов» работала прекрасно – в его распоряжении были парадные доклады министра госбезопасности, постоянные консультации с курирующим МГБ от Политбюро Л. П. Берия, который враждовал с обоими министрами – Абакумовым и Игнатьевым – и при этом, по-видимому, сохранял источники информации. И конечно же

Сталин всегда был готов выслушать «мнение снизу» – сообщения от рядовых работников или из камер Лефортовской тюрьмы.

19 мая 1952 года на стол Сталина легло письмо от арестованного в ходе последней чистки бывшего заместителя министра Е. П. Питовранова с «несколькими соображениями по чекистской работе». К сожалению, оно опубликовано лишь фрагментарно, причем при цитировании обычно делается упор на модную тему борьбы с еврейским национализмом внутри страны. Лишь вскользь упоминается, что письмо содержало и предложения по реорганизации разведки – использовать как плацдарм Германию и Австрию, а аппарат разведки сделать «более гибким и оперативным». Сам же Питовранов в 90-е годы говорил в интервью, что предлагал объединить разведку и контрразведку⁸.

Представляет интерес следующий пассаж из письма Питовранова:

В разведке много лет не было хороших руководителей. При т. Меркулове – бездарный Фитин, при Абакумове – проходимец Кубаткин, а затем хоть и умный, но очень не оперативный и не острый Федотов. Я убежден, что т. Савченко тоже не тот человек, который должен возглавить разведку, чтобы она обеспечила выполнение требований ЦК⁹.

⁸ Там же.

⁹ Петров Н., Сталин и органы НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг., С.240

Негативные оценки вполне понятны, если учитывать правила аппаратной игры. Генерал-лейтенант П. М. Фитин, возглавлявший разведку в 1939–1946 г. находился в опале, но уголовных обвинений ему не предъявлялось – значит тут уместными были бы обвинения в некомпетентности, но без личных выпадов. П. Н. Кубаткин был расстрелян по «контрреволюционной» 58-й статье УК РСФСР – это проходимец и вообще враг народа. Оценка же П. В. Федотова в целом соответствует той, что дается в приведенной нами выше служебной характеристике.

Письмо привлекло внимание. Вскоре после закрытия XIX съезда Сталин смог приступить к практическим шагам по реформе. 9 ноября 1952 года решением Бюро Президиума ЦК КПСС была создана Комиссия по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР под председательством Г. М. Маленкова. В ее состав вскоре вошел и освобожденный из тюрьмы Питовранов.

Сам Сталин на одном из заседаний этой Комиссии высказал ряд соображений:

«В разведке никогда не строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом. Иначе будут провалы, и тяжелые провалы. Идти в лоб – это близорукая тактика.

Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего отечества. Если агент бу-

дет завербован с ущемлением патриотических чувств – это будет ненадежный агент.

Полностью изжить трафарет из разведки. Все время менять тактику, методы. Все время приспосабливаться к мировой обстановке. Использовать мировую обстановку. Вести атаку маневренную, разумную. Использовать то, что бог нам предоставляет.

Самое главное, чтобы в разведке научились признавать свои ошибки. Человек сначала признает свои провалы и ошибки, а уже потом поправляется.

Брать там, где слабо, где плохо охраняется.

Исправлять разведку надо прежде всего с изжития лобовой атаки.

Главный наш враг – Америка. Но основной удар надо делать не собственно на Америку.

Нелегальные резидентуры надо создать прежде всего в приграничных государствах.

Первая база, где нужно иметь своих людей, – Западная Германия.

Нельзя быть наивным в политике, но особенно нельзя быть наивным в разведке.

Агенту нельзя давать такие поручения, к которым он не подготовлен, которые его дезорганизуют морально.

В разведке иметь агентов с большим культурным кругозором – профессоров (привел пример, когда во времена подполья послали человека во Францию, чтобы разобраться с

положением дел в меньшевистских организациях, и он один сделал больше, чем десяток других).

Разведка – святое, идеальное для нас дело.

Надо приобретать авторитет. В разведке должно быть несколько сот человек-друзей (это больше, чем агенты), готовых выполнить любое задание.

Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

Агентов иметь не замухрышек, а друзей – высший класс разведки.

Филерская служба, по-моему, должна быть разбита по различным управлениям¹⁰»

По результатам работы Комиссии 30 декабря 1952 года было принято решение Бюро Президиума ЦК КПСС БП 7/12-оп об объединении 1-го (внешняя разведка) и 2-го (контрразведка) Главных управлений, Бюро № 1, отделов «Д» (изготовление средств тайнописи, документов для оперативных целей, экспертиза документов и почерков) и «Р» (радиоконтрразведка)¹¹, а также часть отделов 4-го (розыскного), 5-го (секретно-политического) и 7-го (оперативного) управлений Центрального аппарата МГБ в Главное разведывательное управление (ГРУ) МГБ СССР. Это решение было объявлено приказом МГБ № 006 от 5 января 1953

¹⁰ Шебаршин Л. Рука Москвы. Разведка от расцвета до распада. М., 2013

¹¹ В тексте приказа значится отдел радиоразведки. Это неверно – такого отдела в структуре МГБ СССР не существовало.

года. Начальником ГРУ был назначен по совместительству 1-й замминистра С. И. Огольцов. В состав Главка вошли 1-е Управление (контрразведка), начальником которого был назначен *В. С. Рясной* и 2-е Управление (разведка) во главе с Е. П. Питоврановым¹².

За оставшееся до смерти Сталина время МГБ четырежды направляло в ЦК КПСС варианты структуры, штатов, и расстановки руководящего состава, но ни один из них не был утвержден. В разведке предусматривалось создание 18–20 отделов общей численностью 3100–3200 чел. гласного и 1900–2000 чел. негласного состава. На руководящие должности предлагались в основном знакомые нам имена профессиональных разведчиков и небольшая группа партийных работников в качестве заместителей или помощников начальника 2-го Управления¹³.

* * *

Хотя этот проект так и остался на бумаге, сама концепция выглядит необычно, поэтому мы все же рискнем сделать некоторые предположения о ее сути.

Само по себе название «ГРУ», конечно же было условным – его функции были гораздо шире. Но название это не главное. Как нам кажется, стоит присмотреться не столько к то-

¹² Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995. С.175

¹³ Петров Н. Кто руководил органами госбезопасности: 1941–1954. М., 2010.

му, какие управления и отделы вошли в его состав, сколько к тому, какие остались за его пределами.

С 1939 года установилась принципиальная горизонтальная структура органов НКВД – МГБ. Их основу составили Управления в краях и областях и наркоматы (министерства) в союзных и автономных республиках СССР, объединявшие подразделения с тем же номером, что и в Центре, того же или более низкого ранга. Исключение составляли военная контрразведка и органы безопасности на транспорте, чьи объекты обслуживания – военные округа и железные дороги – могли располагаться на территории более чем одного региона и потому не подчинялись какому-то одному региональному органу, а также окружные управления или дивизии войск НКВД – МГБ различного назначения.

Структура МГБ сегодня хорошо известна¹⁴. Легко заметить, что в состав ГРУ вошли почти все оперативные подразделения, имевшие представительства в территориальных органах. Из этого автоматически следует, что в областях должны были быть созданы органы, скорее всего именуемые разведывательными управлениями, объединившие в себе почти все службы соответствующего областного УМГБ. Если региональная структура соответствовала центральной полностью, то вне таких РУ должны были остаться только части 4-е и 5-е подразделения (напомним, что 7-е подразделения – «филерская служба» – по мнению Сталина должны быть

¹⁴ См. например <http://shieldandsword.mozohin.ru/nkgb4353/structure.htm>

разбиты по разным управлениям) и ряд литерных отделов – подразделения достаточно важные, но крайне незначительные по численности в сравнении с объединенными разведуправлениями.

Помимо разведки и контрразведки, в состав МГБ входили:

Военная контрразведка. В центре она была представлена 3-м Главным управлением во главе с 1-м заместителем министра С. А. Гоглидзе. На периферии – самостоятельными (независимыми от территориальных МГБ – УМГБ) управлениями и отделами контрразведки по группам войск, военным и пограничным округам, флотам и соединениям ПВО.

Органы госбезопасности на транспорте. В центре – Главное управление охраны на железнодорожном и водном транспорте (начальника при Сталине назначить не успели). На периферии – также самостоятельные управления охраны на железных дорогах и отделы охраны водных бассейнов.

Войска. Главные управления погранвойск и внутренней охраны, подчиненные заместителю министра Н. П. Стаханову. На местах – управления соответствующих округов.

Управление охраны. Практически самодостаточное подразделение, которое возглавил лично министр С. Д. Игнатьев.

Милиция, Управление по надзору за спецпоселенцами, ведомственная охрана – службы, попавшие в МГБ случайно и скорее относившиеся к ведению МВД.

Таким образом, вместо единой горизонтальной системы «МГБ СССР – областное УМГБ – районный или городской отдел» с побочными органами в войсках и на транспорте, должно было создаться несколько равноценных независимых линий, каждая из которых возглавлялась в центре заместителем или первым заместителем министра.

Смерть Вождя принесла для органов госбезопасности большие перемены. На состоявшемся в тот же день, 5 марта, совместном заседании Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК КПСС было решено объединить МГБ и МВД в одно министерство: МВД СССР.

Похороны Сталина

Приказом МВД СССР № 002 от 14 марта 1953 года была утверждена структура МВД. Согласно ей внешняя разведка вошла в МВД как 2-е Главное управление (разведка за границей). Самостоятельно существовал 9-й отдел (террор и диверсии за границей) во главе с *П. А. Судоплатовым*. Начальником внешней разведки был назначен генерал-лейтенант *Василий Степанович Рясной*. Бывший начальник 1-го Главка МГБ *С. Р. Савченко* стал его 1-м заместителем. Простыми заместителями стали *Е. П. Питовранов* и *А. М. Коротков*.

Структура ВГУ имела следующий вид:

Секретариат

1-й отдел (США, Канада, Латинская Америка)

2-й отдел (Англия и ее доминионы)

3-й отдел (ФРГ, Австрия)

4-й отдел (Северная Европа)

5-й отдел (Италия, Ватикан, Балканы)

6-й отдел (Франция, страны Бенилюкса, Испания, Португалия, Швейцария)

7-й отдел (Ближний и Средний Восток)

8-й отдел (Дальний Восток)

9-й отдел (внешняя контрразведка)

10-й отдел (спецмероприятия)

11-й отдел (научно-техническая разведка)

12-й отдел (связи с органами безопасности соцстран)

13-й отдел (поддержка нелегалов из резидентур)

14-й отдел (подготовка нелегалов)

15-й отдел (обеспечение нелегалов документами)

16-й отдел (использование министерств и ведомств СССР

в разведывательных целях)

17-й отдел (информации и переводов)

Отдел кадров

Бюро переводов

Оперативная библиотека

Начальники четырех ключевых отделов стали по совместительству помощниками начальника ВГУ – это были начальник 1-го отдела *А. И. Раина*, начальник 7-го отдела *А. М. Отрощенко*, начальник 9-го отдела *С. М. Федосеев* и начальник 12-го отдела *А. М. Сахаровский*.

Приказом МВД № 00141 от 22 апреля 1953 г. была проведена реорганизация. 2-й, 4-й, 5-й и 6-й отделы были объединены во 2-й (Европа), 7-й и 8-й – в 4-й (Восток), 13-й, 14-й и 15-й – в 8-й отдел (нелегальная разведка). Отдел кадров также получил номер и стал 11-м отделом. Соответственно, изменилась нумерация остальных отделов. В результате, структура Главного управления приняла следующий вид:

Секретариат

1-й отдел (США, Канада, Латинская Америка)

2-й отдел (Европа)

3-й отдел (ФРГ, Австрия)

4-й отдел (Восток)

5-й отдел (внешняя контрразведка, эмиграция)

6-й отдел (научно-техническая разведка)

7-й отдел (связи с органами безопасности соцстран)

8-й отдел (нелегальная разведка)

9-й отдел (использование министерств и ведомств СССР в разведывательных целях)

10-й отдел (информации и переводов)

11-й отдел (кадров)

В мае за структурными последовали кадровые изменения. 9 мая были переназначены начальники отделов, при этом статуса помощников начальника Главка лишились Раина и Сахаровский. 21 мая был изменен состав заместителей начальника – Савченко и Коротков поменялись местами, а Питовранов убыл на аналогичную должность в контрразведку, до заместителя был повышен Федосеев, помощником начальника стал *И. И. Агаянц*. На следующий день был назначен еще один зам – отозванный из ГДР полковник *А. В. Тишков*.

28 мая был снят с должности начальника ВГУ Рясной, исполняющим обязанности начальника стал Коротков. Рясной же был назначен начальником УМВД по Московской области.

3 июня помощником начальника ВГУ стал *С. Л. Тихвинский*.

Приказом МВД № 00394 от 19 июня 1953 г. 11-й отдел был преобразован в 8-й отдел Управления кадров МВД СССР;

Главной задачей 2-го Главного управления согласно подписанному Берия 17 июня 1953 года «Положению о МВД СССР» было ведение разведывательной и контрразведывательной работы против капиталистических стран.

Поставив внешнеполитическую разведку под свой контроль, Берия провел очередную реорганизацию ее структуры. Большое количество резидентов и оперативных работников были отозваны в Москву для отчета о текущей работе. Некоторые из них были уволены, а агентурная сеть подвергнута массовой чистке.

Также Берия сократил аппараты советников МВД при органах безопасности стран народной демократии, а представителей при их разведках, до сих пор существовавшие автономно, подчинил старшим советникам. Вот как рассказывает о этих днях непосредственный свидетель – Е. П. Питовранов:

Берию разбирал какой-то административный зуд. Он как будто хотел в один день изменить и внешнюю, и внутреннюю политику страны, и все кадры в госбезопасности. Он сменил всех представителей советской госбезопасности в социалистических странах. В целом это было оправданной акцией, поскольку прежние в большинстве своем не знали языка страны пребывания и не могли установить по-настоящему доверительных отношений с местными руководителями. В то же время он решил проверить и при необходимости заменить резидентов внешней разведки. Исполнитель-

ный Рясной не придумал ничего лучше, чем собрать всех резидентов в Москве на совещание. Огромное количество разведчиков было засвечено.

Мое назначение в контрразведку оказалось чисто номинальным. Кобулов время от времени привлекал меня к работе бесчисленных возглавлявшихся им кадровых комиссий. По приказу Берии Богдан менял всех и вся. Начальников областных и республиканских управлений МВД. Но в основном я был предоставлен сам себе. Иногда присутствовал на совещаниях, но никаких конкретных поручений не получал. Одним из первых указаний Берии было разбираться с подозреваемыми следственным порядком. В переводе на обычный язык это означало арестовывать всех, на кого имелось хотя бы одно сообщение. Но это оказалось только началом. Как-то вечером мне домой позвонил Тохчианов, работавший в моем подчинении в контрразведке и по-прежнему чуждый любым условностям:

– Евгений Петрович, у тебя что сегодня на обед?

– Приходи, – говорю, – сам все увидишь.

Было понятно, что ему надо что-то обсудить вне службы. Приезжает.

– Ты в курсе последних указаний?

– Каких? – спрашиваю.

– О передаче разработок на подозреваемых в шпионаже.

– Кому? – Неужели, думаю, какую-то параллельную контрразведку организовали?

– Я громадную кучу дел перетаскал к Богдану. Он сказал, что все отдадут Судоплатову. На ликвидацию. Кобулов сказал: «Незачем всей этой сволочи жить». Добром это не кончится¹⁵.

Впрочем, Берия недолго находился во главе МВД. 26 июня 1953 года он был арестован, снят с должности первого заместителя председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел СССР, лишен всех званий и наград, а дело о его «преступных действиях» было передано на рассмотрение Верховного Суда СССР. В тот же день Указом ПВС СССР министром внутренних дел был назначен генерал-полковник С. Н. Круглов. Арест Берия немедленно вылился в перестановки во внешней разведке – к счастью, почти без арестов.

18 июля 1953 года приказом МВД СССР № 677 новым начальником 2-го Главного управления был назначен Александр Семенович Панюшкин¹⁶, а Коротков вернулся к обязанностям его первого зама.

Приказом МВД № 00601 от 31 июля 1953 г. на базе 9-го отдела МВД СССР был создан 12-й отдел ВГУ (террор и диверсии за границей).

3 августа был отстранен от должности заместителя начальника ВГУ С. М. Федосеев, 28 сентября – Савченко. В октябре С. Л. Тихвинский уехал в Лондон резидентом (до

¹⁵ 55 лет без Сталина. Коммерсантъ-власть № 20 (773) от 26.05.2008

¹⁶ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С.51–62.

9 декабря оставаясь помощником начальника). Таким образом в руководство разведки до марта 1954 года, когда на базе оперативных подразделений МВД возник КГБ, входили:

Начальник – *А. С. Панюшкин*

1-й заместитель начальника – *А. М. Коротков*

Заместитель начальника – *А. В. Тишков*

Помощник начальника – *И. И. Агаянц*.

Также перечислим начальников отделов ВГУ МВД с марта 1953 по март 1954 г.:

1-й отдел

Американский. Начальники – *А. И. Раина*, с 9.5.53 – *Н. С. Мякотных*.

2-й отдел

Английский (до 22.4.53). Начальник – *Н. С. Мякотных*

2-й отдел (II)

Западноевропейский (с 22.4.53). Начальники – *И. И. Агаянц* (9 – 21.5.53), *В. Г. Чернявский* (21.5–8.6.53) и *П. Н. Елисеев* (8.2 – 18.3.54)

3-й отдел

Германия и Австрия. Начальники – *Г. С. Евдокименко* (17.3–5.6.53), *П. Н. Медведев* (5.6 – 18.7.53), *А. Н. Куренков* (8.2 – 18.3.54).

4-й отдел

Скандинавский (до 22.4.53). Начальник – *Д. П. Тарасов*.

4-й отдел (II)

Восточный (с 22.4.53). Начальник – *А. М. Отрощенко* (9.5 – 12.6.53), *В. И. Вертипорох* (12.6.53–18.3.54)

5-й отдел

Итало-балканский (до 22.4.53). Начальник – *П. Н. Елисе-ев*.

6-й отдел

Франция, Бенилюкс, Швейцария, Испания, Португалия (до 22.4.53). Начальник – *И. И. Агаянц*.

7-й отдел

Ближний и Средний Восток (до 22.4.53). Начальник – *А. М. Отрощенко*.

8-й отдел

Дальневосточный (до 22.4.53). Начальник – *Л. М. Миклашевский*

8-й отдел (II)

Нелегальная разведка (с 22.4.53). Начальник – *Ф. Г. Чер-*

9-й отдел, с 22.4.53 – 5-й отдел (II)

Внешняя контрразведка. Начальники – *С. М. Федосеев* (17.3–9.5.53), *Д. П. Тарасов* (9.5.53 – 8.2.54), *Н. П. Новик* (8.2 – 18.3.54, и. о.).

10-й отдел

Спецмероприятия (до 22.4.53). Начальник неизв.

11-й отдел, с 22.4.53 – 6-й отдел (II)

Научно-техническая разведка. Начальники – *Л. Р. Квасников* (17.3–9.5.53), *А. И. Раина* (9.5.53–17.7.53)

12-й отдел, с 22.4.53 – 7-й отдел (II)

Связи с органами безопасности стран народной демократии. Начальники – *А. М. Сахаровский* (17.3 – 21.5.53), *С. Р. Савченко* (21.5 – 28.9.53), *А. М. Сахаровский* (28.9.53 – 8.2.54, и. о.), *С. Н. Карташов* (8.2 – 18.3.54, и. о.)

12-й отдел (II)

Террор и диверсии (с 31.7.53). Начальники – *П. А. Судоплатов* (31.7 – 20.8.53), *Л. А. Студников* (8.53–18.3.54, и. о.)

13-й отдел

Поддержка нелегалов из резидентур (до 22.4.53). Началь-

ник – В. Г. Павлов.

14-й отдел

Подготовка нелегалов (до 22.4.53). Начальник – Ф. Г. Чернов.

15-й отдел

Обеспечение нелегалов документами (до 22.4.53). Начальник – В. Г. Чернявский.

16-й отдел, с 22.4.53 – 9-й отдел (II)

Использование министерств и ведомств СССР в разведывательных целях. Начальники – Н. А. Кожевников (17.3–8.6.53), Д. И. Сорокин (12.9.53–18.3.54, и. о.).

17-й отдел, с 22.4.53 – 10-й отдел (II)

Информационный. Начальники – С. П. Новоселов (17.3–4.11.53), Ф. А. Скрягин (4.11.53–18.3.54, и. о.).

Отдел кадров, с 22.4.53 – 11-й отдел (II)

Начальники – В. И. Кирюхин (17.3–9.5.53), В. В. Петроченков (9.5–9.6.53).

Кадры для разведки готовили в основном школа № 101 и Институт иностранных языков МВД в Ленинграде.

Чистка – находка для шпионов

По сей день не утихают споры – было ли благом или бедой для страны устранение Берия. Споры эти весьма интересны, как и любой поиск сослагательного наклонения в истории, но совершенно бесплодны. Не вызывает однако сомнения тот факт, что борьбой за власть в Кремле и на Лубянке ЦРУ смогло воспользоваться в полной мере.

19 августа 1953 года в Иране было свергнуто левобуржуазное правительство Мохаммеда Мосаддыка. Сегодня ни для кого не секрет, что на организацию «народных волнений», очень похожих на цветные революции в Венгрии 1956 года или на Украине 2014, ЦРУ выделило бюджет в 1 млн. долларов¹⁷.

Вот как об этом рассказывал заместитель директора ЦРУ Рэй Клайн (в 1953 г. сотрудник лондонской резидентуры):

В 1953 году, когда я еще был в Лондоне, была осуществлена тайная операция в Иране – успех ее был столь велик, что она стала известна всему свету. Ориентированный влево премьер-министр Мохамед Мосаддык, опиравшийся на поддержку иранской компартии (Туде) и Советского Союза, изгнал из страны шаха, тогда еще молодого человека. Операция, разработанная ЦРУ, была довольно скромных размеров: опытный в организации тайных акций офицер проник в

¹⁷ Halberstam D., The Fifties – New York: Ballantine Books., 1993. – С.366–367.

*Иран, где занялся вербовкой людей для уличных демонстраций (достаточно многолюдных, чтобы застрашать сторонников Мосаддыка), а также вошел в контакт с верными шаху военными кругами, которые, по его наущению, захватили контроль над радиостанцией. Этого оказалось достаточно, чтобы проложить путь к триумфальному возвращению шаха в страну*¹⁸.

К сказанному можно добавить имя этого офицера – Кермит Рузвельт, внук 26-го президента США, который прибыл в Иран под именем Джеймса Локриджа, преподавателя истории и руководителя Ассоциации друзей Америки на Ближнем Востоке – организации, специально созданной ЦРУ для прикрытия своих оперативников. Как вспоминали позже участники операции, группе Рузвельта удалось скупить до 80 % тегеранской прессы.

Кажущаяся «легкость» операции объясняется полным отсутствием противодействия. Советская разведка со времен войны располагала сильными оперативными позициями в Иране. Однако, как мы помним, именно в этот момент резидент МВД был отозван в Москву, в результате чего американцы действовали практически в полигонных условиях – в критический момент в стране не оказалось силы, способной хотя бы мобилизовать против путчистов компартию Туде или перекупить продажных газетчиков. Новый резидент А. М. Отрощенко прибыл в Тегеран лишь в августе, когда

¹⁸ Клайн Р., ЦРУ от Рузвельта до Рейгана, Нью-Йорк, 1989. С.205–206.

все уже было кончено.

Другим зримым последствием стала в очередной раз захлестнувшая МВД волна арестов. Наряду с высшим эшелонам власти в министерстве, следственной частью, охраной правительства, руководителями МВД в Закавказье жертвами репрессий стали П. А. Судоплатов и сотрудники его диверсионного отдела. Мы далеки от безудержного восхваления этого человека – на страницах этой книги мы не раз будем его критиковать. Однако несомненно и то, что их опыту и профессиональным навыкам разведка нашла бы применение и в новой эпохе.

Большой Террор 1937–1938 годов наглядно показал, что в разгар чистки многие чекисты, опасаясь за свою жизнь, предпочитают найти местечко поспокойнее – хотя бы и в стане противника. Так случилось и в этот раз. За первые месяцы 1954 года бежали четверо сотрудников: оперработник токийской резидентуры Юрий Растворов (его жена Галина, танцовщица ансамбля песни и пляски МВД была содержанкой Берия), боевик 12-го отдела 2-го Главного управления капитан Николай Хохлов, посланный во Франкфурт-на-Майне для ликвидации руководителя закрытого сектора (т. е. внутренней спецслужбы) эмигрантского Народно-трудового союза нацистского военного преступника Околовича и резидент МВД в Австралии Владимир Петров и его жена Евдокия.

Каждое предательство, естественно, вело к выдаче агенту-

ры. Кроме того, во всех случаях ЦРУ и его спецслужбы-сателлиты организовывали шумные антисоветские кампании в печати, в результате которых дипломатические представительства в Австралии и Японии (а значит и легальные резидентуры) были закрыты на несколько лет.

Глава 2

*«...Атомные бомбы предназначены для
устрашения слаонервных»*

*Из интервью И. В. Сталина газете «Санди Таймс».17
сентября 1946 года*

Однажды один из несостоявшихся отцов немецкой атомной бомбы «для фюрера» Карл Вайцсеккер философски изрек:

«Строго говоря, у атомной бомбы в начале сороковых годов прошлого века существовал лишь один принципиальный секрет: ее можно создать».

Как только об этом узнали руководители Англии, США и СССР, сооружение бомбы стало в значительной степени делом техники и массированных вложений средств в это «предприятие»¹⁹. Главная задача советской разведки заключалась именно в том, чтобы дать точный ответ на единственный вопрос: «можно или нет создать атомную бомбу».

Положительный ответ на этот вопрос советская внешняя разведка дала руководству страны еще осенью 1941 года. На 96-й день Великой Отечественной войны Лаврентий Берия прочел «Справку на № 6881/ 1065 от 25. IX.41 г. из Лондона». Она начиналась такими словами:

¹⁹ Тольц В. Американские секреты советской атомной бомбы. // В мире спецслужб., 2005 год, сентябрь, № 1(09).

«Вадим» (резидент советской внешней разведки в Лондоне Анатолий Вениаминович Горский) – передает сообщение «Листа» (агент советской разведки Дональд Маклейн, один из членов легендарной «Кембриджской пятерки») о состоявшемся 16.09.41 г. заседании Комитета по урану. Председателем совещания был «Босс».

На совещании было сообщено следующее.

Урановая бомба вполне может быть разработана в течение двух лет, в особенности, если фирму «Имperiал Кемикал Индастисс» обяжут сделать это в наиболее сокращенный срок...

А заканчивалось она такими словами:

«Комитетом начальников штабов на своем совещании, состоявшемся 20.09.41 г., было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода для изготовления атомной бомбы.

„Вадим» просит дать оценку „Листа» по урану»²⁰.

Этот документ, «Справка на № 7073, 7081/1096 от 3.10.41 г. из Лондона» («Справка 1-го Управления НКВД СССР о содержании доклада „Уранового комитета», подготовленная по полученной из Лондона агентурной информации»), два доклада «Научно-совещательного комитета при Английском комитете обороны по вопросу атомной энергии

²⁰ Справка 1-го Управления НКВД СССР о содержании полученной из Лондона агентурной информации о «совещании Комитета по урану». // цит. По Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1. 1938–1945: в 2 ч. Часть 1. М., 1998. С.239–240.

урана», а также переписка по этому вопросу между руководящими работниками комитета были направлены наркомом внутренних дел Л. П. Берия начальнику 4-го спецотдела НКВД СССР майору госбезопасности Валентину Александровичу Кравченко. Последний внимательно изучил все полученные материалы и рекомендовал провести два мероприятия.

«1) Поручить заграничной агентуре 1-го Управления НКВД СССР собрать конкретные проверенные материалы относительно постройки аппаратуры и опытного завода по производству урановых бомб;

2) создать при ГКО СССР специальную комиссию из числа крупных ученых СССР, работающих в области расщепления атомного ядра, которой поручить представить соображения о возможности проведения в СССР работ по использованию атомной энергии для военных целей»²¹.

Из-за сложной обстановки на фронте предложенные мероприятия удалось реализовать только в марте 1942 года.

²¹ Записка начальника 4-го спецотдела НКВД СССР наркому Л. П. Берия о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации этой работы в СССР от 10 октября 1941 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1. 1938–1945: в 2 ч. Часть 1. С.242–243.

Павел Судоплатов и атомная бомба

Существует устойчивое мнение о выдающейся роли высокопоставленного сотрудника внешней разведки Павла Судоплатова в создании советского атомного оружия. Оно звучит примерно так: «Благодаря деятельности руководимых им подразделений отечественные физики получили всю необходимую сверхсекретную информацию». Авторы отдельных публикаций называют Павла Анатольевича Судоплатова руководителем советских «атомных шпионов», ссылаясь при этом на книги, где на обложке стоит его фамилия.

Хотя есть и противники этой точки зрения. Например, генерал-лейтенант КГБ Виталий Григорьевич Павлов. Этот человек почти полвека (с 1938 года по 1987 год) проработал на оперативных и руководящих должностях в различных подразделениях внешней разведки.

В своей книге «Трагедия советской разведки» он пишет:
«...в июле 1943 года решением Государственного Комитета Обороны на возглавляемую Павлом Михайловичем Фитиным разведку органов госбезопасности была возложена задача по получению на регулярной основе всей информации по атомной проблеме...»

Далее он говорит о достигнутых результатах (мы о них поговорим чуть ниже):

«И уж никак не уважаемый заместитель П. М. Фитина

П. А. Судоплатов, не упорно упоминаемые в его книге Эйтингон и Хейфиц и какие-то мифические агенты, завербованные якобы Эйтингоном, вышедшие на самых важных источников по атомной бомбе, добыли важную информацию»²².

Небольшая ремарка. Григорий Маркович Хейфиц (оперативные псевдонимы «Харон» и «Гримериль») с ноября 1941 года по ноябрь 1944 года занимал пост резидента легальной резидентуры в Сан-Франциско (США) и принимал активное участие в разведывательном обеспечении советского атомного проекта²³. Понятно, что речь идет о поиске новых источников информации и вербовке агентуры. Для этого он использовал связи своей любовницы Луизы Брэнстен, контакты функционеров компартии США и агента-групповода Айзека Фолкоффа (оперативный псевдоним «Дядя»).

В декабре 1941 года он установил доверительный контакт с будущим руководителем американского атомного проекта Робертом Оппенгеймером. По данным ФБР, Айзек Фолкофф пытался организовать встречу между ученым и неким «Томом», возможно, Наумом Исааковичем Эйтингоном²⁴. К этой операции Павел Анатольевич Судоплатов никакого отношения не имел. «Дядя» сотрудничал с Москвой еще в двадцатые годы прошлого века и был одним из основателей компартии США. Также известно, что Луиза Брэнстен в годы

²² Павлов В. Трагедия советской разведки. М., 2000. С.352.

²³ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С.384–386.

²⁴ Позняков В. В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. С.395–396.

Второй мировой войны содержала светский салон, где происходили встречи между сотрудниками резидентуры советской разведки, их агентурой и людьми, интересовавшими Москву. Среди посетителей был и Роберт Оппенгеймер²⁵. И в этом случае Павел Судоплатов не имел никакого отношения к этому шпионскому гнезду.

Родина высоко оценила вклад Григория Марковича Хейфица в советскую атомную программу – наградила орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Вот только подчинялся он, как и «Том», не главному герою нашей книги – в то время руководителю Четвертого управления НКВД-НКГБ, а Павлу Михайловичу Фитину – начальнику внешней разведки. Да и деятельность Управления диверсий в тылу противника не распространялась на территорию США.

Под руководством Павла Анатольевича Судоплатова он трудился с мая 1946 года на должности начальника отделения Отдела «С» НКГБ-НКВД СССР. А 21 апреля 1947 года был уволен из органов госбезопасности²⁶.

Продолжим цитировать Виталия Григорьевича Павлова: *«Уважая действительно огромную работу по организации разведывательно-диверсионной деятельности во время Великой Отечественной войны в тылу немцев, которой руководил Павел Анатольевич Судоплатов, не могу понять, зачем ему потребовалось приписывать себе и своим близким*

²⁵ Позняков В. В. Указ. соч. С.406–407.

²⁶ Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. С.384–386.

сотрудникам то, что делалось не ими, а как раз под личным и неусыпным вниманием и руководством Павла Михайловича Фитина...»²⁷

Ради исторической справедливости укажем, что действительно работой «атомных шпионов Кремля» руководили: по линии внешней разведки – Павел Михайлович Фитин (начальник Первого управления НКВД-НКГБ СССР), по линии военной разведки – до ноября 1942 года – Алексей Павлович Панфилов (начальник Разведуправления Генштаба РККА-ГРУ (главное разведывательное управление) Генштаба РККА) и Иван Иванович Ильичев (начальник ГРУ Наркомата обороны). Фамилии этих руководителей и их подчиненных регулярно появлялись в годы Великой Отечественной войны в секретных документах, связанных с охотой на иностранные атомные секреты. А вот имя Павла Анатольевича Судоплатова начало встречаться в этих «бумагах» только осенью 1945 года.

Другой важный момент – уровень осведомленности Павла Судоплатова о «тайных информаторах Москвы». Мы вынуждены разочаровать тех, кто после прочтения книг с фамилией на обложке П. А. Судоплатов начал считать их создателя ведущим экспертом в этой сфере. В силу специфичности работы разведки Павел Анатольевич Судоплатов, как и любой руководитель его ранга, не мог знать имена большинства агентов советской разведки. В лучшем случае толь-

²⁷ Павлов В. Трагедия советской разведки. С.352.

ко оперативные псевдонимы и места их работы. Точно так же в штабах Красной Армии не знали настоящие имена командиров спецгрупп и спецотрядов Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР, действовавших в тылу противника за линией фронта.

Первое знакомство

Сам Павел Анатольевич Судоплатов утверждает, что начал заниматься «атомной проблемой» в начале 1944 года. Знал ли он о ней до этого? Скорее всего, нет. И не только из-за своего служебного положения – начальник Особой группы Второго отдела Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР, но и относительно низкой (по сравнению с военной разведкой) осведомленности Первого управления НКВД-НКГБ СССР. В первую очередь это относится к ситуации по Германии. Лубянка не располагала информацией о ведущихся на территории Третьего рейха работах в рамках немецкого «атомного проекта». Об этом свидетельствуют частично рассекреченные документы из оперативного архива Службы внешней разведки РФ и других государственных архивов. Например, в конце июля 1943 года начальник 3-го отдела Первого Управления НКГБ СССР Гайк Бадалович Овакимян в справке «О работах по новому источнику энергии – урану» (составленной на основе разведматериалов, полученных НКВД и НКГБ СССР за 1941–июль 1943 года) кратко представил результаты работы своего ведомства по добыче информации по иностранным атомным проектам. Если по США и Великобритании представлены относительно подробные данные, то по Третьему рейху ничего нет²⁸. Руко-

²⁸ Справка «О работах по новому источнику энергии – урану», подготовлена

водство страны было информировано лучше, чем чекисты. О ситуации в Берлине им сообщали из ГРУ Наркомата обороны.

Мы не будем проводить подробный сравнительный анализ разведматериалов по атомной проблеме, поступивших по линии военной разведки, со сведениями аналогичной тематики, добытыми подчиненными Павла Михайловича Фитина. Отметим лишь, что у военных было явное преимущество. Зато Лубянка лидировала по общему количеству добытых данных по линии научно-технической разведки.

на основе разведматериалов, полученных НКВД и НКГБ СССР за 1941– июль 1943 года от 29 июля 1943 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1.1938–1945: в 2 ч. Часть 2. С.462–466.

Таинственная группа “С”

Из книги в книгу перемещается такой миф. Якобы в феврале 1944 года на Лубянке состоялось экстренное совещание. В нем участвовали представители трех ведущих организаций, занимающихся агентурной разведкой за пределами СССР²⁹: Первого управления НКГБ СССР (внешняя разведка), Четвертого управления (диверсии в тылу врага) НКГБ СССР и ГРУ Наркомата обороны. Инициатором проведения этого мероприятия был нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия. Не исключено, что его провели по личному указанию самого Иосифа Сталина или руководитель страны знал о происходящем.

На совещании присутствовали: Лаврентий Берия, начальник ГРУ генерал-лейтенант Иван Иванович Ильичев, заместитель начальника Первого (агентурного) управления ГРУ генерал-майор Михаил Абрамович Мильштейн, начальник Первого управления НКГБ СССР Павел Михайлович Фитин с одним из своих подчиненных – Гайком Бадаловичем Овакимяном, а также начальник Четвертого Управления НКГБ СССР Павел Анатольевич Судоплатов.

Протокол совещания (если такой существует) до сих пор не рассекречен. Ремарка авторов – невозможно предать глас-

²⁹ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2005. С.301.

ности то, чего нет. Снова обратимся к тексту мифа. Хотя, основываясь на воспоминаниях участников совещания, а также последовавших после этого событиях (отраженных в лишь недавно рассекреченных документах), можно восстановить примерную повестку дня.

Первая группа вопросов была связана с перераспределением «тайных информаторов Кремля» между Первым управлением НКГБ и ГРУ Наркомата обороны. Не вдаваясь в детали, скажем лишь, что несколько ценных агентов военной разведки было передано на связь их «гражданским» коллегам. Во всей этой истории есть один непонятный эпизод-присутствие на совещании Павла Анатольевича Судоплатова. Многие ветераны советской внешней и военной разведки считают, что его не могло быть на том мифическом совещании по определению, так как вопросами атомного шпионажа в НКГБ занималось исключительно Первое управление (внешняя разведка), а не Четвертое (разведка и диверсии на оккупированной территории). И если возникла потребность назначить нового куратора одного из направлений деятельности внешней разведки, то Павел Судоплатов не очень подходил на эту роль по целому ряду причин.

Во-первых, он не имел высшего технического образования, не говоря уже о дипломе физика или химика.

Во-вторых, он не имел опыта работы в сфере научно-технической разведки в предвоенный период и не представлял себе специфику работы с агентами из числа ученых. При-

мер из практики. Однажды один из сверхценных агентов советской внешней разведки три раза подряд не являлся на встречу со связником. В Центре решили, что произошло самое худшее – «провал» или агент решил отказаться от дальнейшего сотрудничества. Курировавший атомную сферу чекист, основываясь на десятилетнем опыте работы с агентами-учеными, настоял на четвертой встрече. Свое решение он мотивировал тем, что «многие ученые – странные люди и могут что-то перепутать». Явившийся на нее «тайный информатор Москвы» простодушно сообщил курьеру: «Я просто месяцы перепутал». Когда в Москве изучили переданные агентом материалы, то, по утверждению советских физиков, этими сведениями они сократили на год срок создания отечественной атомной бомбы. А знаете, как звали этого мудрого начальника – Гай Овакимян. И его имя до 1945 года будет встречаться на всех документах внешней разведки, связанных с атомной бомбой.

Сам Павел Анатольевич Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» объяснил свое присутствие на этом мероприятии так:

«В 1944 году было принято решение, что координировать деятельность разведки по атомной проблеме будет НКВД. В связи с этим под моим началом была создана группа „С» (группа Судоплатова), которая позднее, в 1945 году, стала самостоятельным отделом „С». Помимо координа-

ции деятельности Разведупра и НКВД³⁰ по атомной проблеме, на группу, а позднее отдел, были возложены функции реализации полученных данных внутри страны»³¹.

Официальным днем «рождения» группы «С» (если такая существовала не только на страницах книги «Разведка и Кремль» и «клонированных» от нее изданий, но и в реальности) следует считать дату проведения описанного выше февральского совещания. Именно на нем Павел Судоплатов был «официально представлен как руководитель группы „С“, координирующий усилия в этой области. С этого времени разведка Наркомата обороны регулярно направляла нам всю поступающую информацию по атомной проблеме»³².

К сожалению, в книге «Разведка и Кремль» нет ссылок на документы, подтверждающие существование группы «С», как и в других публикациях, где рассказывается о деятельности этой таинственной группы. А вот отдел «С» в центральном аппарате НКГБ СССР действительно существовал, и о его деятельности мы подробно расскажем ниже.

С таинственной группой «С» все сложнее. В фундаментальном справочнике «ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ.1917–1991»³³ автор не

³⁰ Здесь фактическая ошибка – с 1943 по 1946 год внешняя разведка входила в структуру НКГБ СССР, а не НКВД СССР. – Прим. авт.)

³¹ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. С.299.

³² Судоплатов П. А. Указ. соч. С.301.

³³ ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ.1917–1991. Справочник. М., 2003.

смог найти упоминания об этом подразделении. Также нет упоминаний о нем в сборниках документов, посвященных истории отечественного атомного проекта. Да и ветераны внешней разведки говорят однозначно и категорично – не было группы «С».

В рассекреченных документах (датированных январем 1944 года – августом 1945 года) из архива Службы внешней разведки РФ автор также не смог отыскать пометки или хотя бы автографа Павла Анатольевича Судоплатова. Хотя, как начальник группы «С», он должен был оставить следы своей деятельности. К тому же, если он координировал деятельность разведки по добыче атомных секретов, то должен был вести переписку с военной разведкой, также сообщать потребителям добытой информации о полученных материалах и т. п. Как это было в предвоенный период, когда он курировал немецкое направление – об этом мы подробно писали выше. Точно так же будет, когда осенью 1945 года он возглавит Отдел «С». И следов его деятельности будет множество.

Мы вынуждены признать: с февраля 1944 года по сентябрь 1945 года фамилия Судоплатова отсутствует в рассекреченных документах, связанных с деятельностью советской внешней разведки по добыче американских и английских атомных секретов. Например, 5 ноября 1944 года подчиненные Павла Михайловича Фитина подготовили «План мероприятий 1-го Управления НКГБ СССР по агентурно-оперативной разработке „Энормоз» (кодовое название пробле-

мы атомного оружия, установленное советской внешней разведкой, в архиве Службы внешней разведки Российской Федерации 17 томов оперативного дела „Энормоз»³⁴». Данный документ подписал начальник 4-го (научно-техническая разведка) отделения 3-го (Англо-американского) отдела 1-го Управления НКГБ СССР майор госбезопасности Соловьев, а его непосредственный начальник Андрей Григорьевич Граур размашисто написал «Согласен»³⁵. Странно, что на этой бумаге нет визы Павла Судоплатова. Хотя должна быть.

Не участвовал он и в подготовке аналогичного документа в феврале 1944 года. Тогда над его составлением трудились знакомые нам Андрей Григорьевич Граур и Гайк Бадалович Овакимян.

Не упоминается Судоплатов в реквизитах «Справки 1-го Управления НКГБ СССР о подготовке к испытанию атомной бомбы в США» от 2 июля 1945 года³⁶. Ее подготовила, на основе материалов разведки, сотрудница 3-го отдела Первого управления НКГБ СССР переводчик с английского языка майор Елена Михайловна Потапова. Именно эта женщина,

³⁴ Чиков В. Операция «Энормоз». // Боевое братство, 2005 год, № 8.

³⁵ Из плана мероприятий 1-го управления НКГБ СССР по агентурно-оперативной разработке «Энормоз» от 5 ноября 1944 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Т.1.1938–1945. В 2 ч. Часть 2. С 154–155.

³⁶ Справка 1-го Управления НКГБ СССР о подготовке к испытанию атомной бомбы в США» от 2 июля 1945 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1.1938–1945: в 2 ч. Часть 2. С.329–330.

а не сотрудники таинственной группы «С», с 1942 по 1945 год готовила на основе полученных из-за рубежа материалов справки для передачи их научному руководству советского атомного проекта.

Стоит чуть подробнее рассказать об этом человеке. В 1937 году она закончила Московский химико-технологический институт, но по специальности работала недолго. В 1938 году ее зачислили в штат центрального аппарата НКВД. В годы Великой Отечественной войны она работала оперуполномоченным в 3-м (научно-техническая разведка) отделении 3-го (США, Канада и Англия) отдела Первого управления НКВД-НКГБ СССР.

В архиве Службы внешней разведки РФ хранится очень любопытный документ – рапорт начальника 1-го Управления НКГБ СССР Павла Михайловича Фитина наркому Всеволоду Николаевичу Меркулову «О неудовлетворительном состоянии работ по атомному проекту и нарушении режима секретности в Лаборатории № 2», датированный 5 марта 1945 года. Автор склонен доверять изложенным в этом документе фактам. Коллеги начальника внешней разведки утверждали, что он не любил интриги, а вот к работе относился очень добросовестно. Согласно рапорту:

«...добытые резидентурами в Нью-Йорке и Лондоне материалы, освещающие научную разработку проблемы Уран 235 как нового мощного источника энергии для мирных и военных целей, в течение 1943–1944 годов систематически на-

правлялись и продолжают направляться в адрес наркома хим. промышленности тов. Первухина для использования их в Лаборатории № 2 АН СССР, созданной по специальному решению ГКО.

Со времени предоставления Вам рапорта в июле 1943 года о неудовлетворительном темпе работ в этой лаборатории и реализации в ней опыта работ английских и американских ученых на наших материалах положение до настоящего времени продолжает оставаться неудовлетворительным. Так, например:

1) За 1944 год нами было передано 117 наименований работ. На 86 работ до сих пор не получено никакого заключения, несмотря на неоднократные запросы с нашей стороны.

2) По имеющимся у нас данным, вопросы конспирации ведущихся работ в Лаборатории № 2 находятся в ненадлежащем состоянии. Многие сотрудники Академии наук, не имеющие прямого отношения к этой лаборатории, осведомлены о характере ее работы и личном составе работающих в ней»³⁷.

Судьба этого документа такая. С ним ознакомился Всеволод Николаевич Меркулов, вернул его Павлу Михайловичу Фитину и приказал подготовить письмо руководителю совет-

³⁷ Рапорт начальника 1-го Управления НКГБ СССР П. М. Фитина наркому В. Н. Меркулову «О неудовлетворительном состоянии работ по атомному проекту и нарушении режима секретности в Лаборатории № 2 от 5 марта 1945 года». // Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1. 1938–1945: в 2 ч. Часть 2. С. 237–238.

ского атомного проекта Лаврентию Берия. Начальник внешней разведки поручил это задание начальнику 3-го отдела Андрею Григорьевичу Грауру. И снова Павел Анатольевич Судоплатов отсутствует. Хотя через него должны были передаваться все добытые материалы, как это будет происходить с сентября 1945 года.

Рождение отдела «С»

Таинственная группа «С», занимавшаяся координацией деятельности внешней и военной разведок в сфере сбора разведданных по атомной проблеме, в сентябре 1945 года была преобразована в Отдел «С» НКВД СССР. Произошло это после того, как Иосиф Сталин после ядерных взрывов в Хиросиме и Нагасаки устроил разнос руководителям советского «атомного проекта». Гнев вождя легко объясним. В мире начиналась «холодная война», а у СССР не было эффективного средства защиты и нападения. Игорь Курчатов, отводя удар от себя, пожаловался на недостаток информации о достижениях западных коллег.

В задачу Отдела «С» НКГБ-НКВД СССР входили работы, связанные со сбором, переводом, систематизацией и изучением материалов, относящихся к внутриатомной энергии и созданию ядерного оружия, в том числе документов, публикуемых в иностранной прессе и технической литературе, а также работах иностранных научных учреждений, предприятий и фирм, отдельных ученых и специалистов. Одновременно Отдел «С» стал одним из подразделений Специального комитета³⁸ по «проблеме № 1». Так звучит «официаль-

³⁸ Специальный комитет при Государственном комитете обороны (с сентября 1945 года при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР, с марта 1946 года при Совете Министров СССР) и Первого главного управления при СНК СССР

ная» версия рождения Отдела «С» НКГБ-НКВД СССР.

Атомный век начинается. Руины Хиросимы

В жизни все было по-другому. Впервые идея об организации «специального бюро для работы с разведматериалами» была высказана еще за год до встречи Иосифа Сталина с Игорем Курчатовым. 19 июня 1944 года заместитель председателя СНК СССР Михаил Георгиевич Первухин (с 1942 по 1945 год – высший административный руководитель страны, отвечавший за развитие работ по созданию ядерного оружия)

(ПГУ) (с марта 1946 года при Совете Министров СССР) был создан согласно Постановлению ГКО № 9887 «сс/оп» от 20 августа 1945 года для «руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана», включая производство атомной бомбы. На него возлагалось руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана.

написал об этом в специальной записке, адресованной куратору «советского атомного проекта» заместителю председателя ГКО Вячеславу Михайловичу Молотову. Цитата из документа:

«По проблеме урана поступило большое количество технических материалов от НКГБ и Разведупра НКО. Для разборки этих материалов и переработки их в виде заданий для Лаборатории № 2 необходимо организовать специальное бюро в составе секретариата СНК СССР»³⁹.

³⁹ Записка М. Г. Первухина В. М. Молотову об организации специального бюро для работы с разведматериалами от 19 июня 1944 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Т.1.1938–1945. В 2 ч. Часть 2. С.87–88.

Также Михаил Георгиевич Первухин подготовил проект распоряжения СНК СССР об организации в структуре секретариата этой организации Специального бюро № 1 со штатом пять человек под руководством помощника заместителя председателя СНК СССР Александра Ивановича Васина⁴⁰. Имя этого человека сейчас незаслуженно забыто. Хотя он до середины 1945 года выступал «связующим звеном» между НКВД-НКГБ, ГРУ и СНК. Через него прошла вся секретная переписка, отражающая взаимодействие этих организаций. В частности, материалы, добытые советской разведкой с 1942 года до середины 1945 года. Так что скромный чиновник из СНК был лучше осведомлен о размахе советского атомного шпионажа, чем руководство Первого управления НКГБ или ГРУ. А к органам госбезопасности, а тем более к разведке, Александр Иванович Васин никакого отношения не имел, не считая того, что за ним присматривали чекисты – слишком много он знал. Инженер-теплотехник по образованию, он непродолжительное время проработал на производстве, а затем ушел на административную работу в аппарат СНК. Прекрасное техническое образование позволило ему легко разобраться в основах атомной физики. После создания Отдела «С» НКГБ-НКВД СССР он продолжал куриро-

⁴⁰ Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Т.1.1938–1945. В 2 ч. Часть 2. С.88.

вать переписку по «атомному проекту» Специального комитета СНК СССР с Лубянкой и «Аквариумом» (неофициальное название ГРУ).

Б. Л. Ванников

Чем занималось и кому подчинялось «Спецбюро № 2»

Оно было создано в рамках выполнения пятого пункта Постановления ГКО № 9887 «сс/оп» от 20 августа 1945 года. Он звучал так:

«Поручить тов. Берии принять меры к организации за-кордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урано-вой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой обла-сти, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.)».

И. В. Курчатов

Поясним, что термин «руководить» означает раздачу заданий и получение отчетов о проделанной работе. Вся техническую работу по поиску и вербовке агентов, а также под-

держание связи с ними продолжали выполнять сотрудники ГРУ и Первого управления НКГБ СССР. Созданный в предыдущие годы механизм продолжал функционировать. Только теперь разведка направляла добытые материалы не Александру Ивановичу Васину, а Павлу Анатольевичу Судоплатову.

Одно из распространенных заблуждений среди тех, кто пишет об истории советского атомного проекта, – утверждение о том, что Отдел «С» НКГБ-НКВД СССР и «Бюро № 2» Спецкомитета – одна организация с двумя разными названиями. На самом деле это не так. В «Протоколе № 6 заседания Специального комитета при Совнаркоме СССР от 28 сентября 1945 года» в «разделе VII. Об организации в составе Специального комитета при Совнаркоме СССР Бюро № 2» четко сказано:

«1. Организовать в составе Специального комитета при Совнаркоме СССР Бюро № 2.

2. Подчинить Бюро № 2 непосредственно председателю Специального комитета...».

Напомним, что Специальным комитетом руководил Лаврентий Берия, а наркомом госбезопасности с апреля 1943 года по апрель 1946 года был Всеволод Николаевич Меркулов. Так что формально Отдел «С» и «Бюро № 2» подчинялись разным людям. Другое дело, что с декабря 1944 года Сталин поручил Лаврентию Берия «наблюдение за развитием работ по урану». Просто предыдущий куратор советского атомно-

го проекта Вячеслав Михайлович Молотов, мягко говоря, не справился с возложенной на него задачей. Продолжим цитирование документа:

«...3. Возложить на Бюро № 2:

а) перевод и обработку документов и материалов, поступающих в Специальный комитет из разных источников; материалов, публикуемых в заграничной прессе и заграничной технической литературе по вопросам использования внутриатомной энергии;

б) изучение научной работы заграничных учреждений, предприятий и фирм, отдельных ученых и специалистов, занимающихся проблемой использования внутриатомной энергии; сбор и изучение материалов, связанных с этой проблемой.

4. Установить, что обработанные в Бюро № 2 материалы должны по указанию председателя Специального комитета передаваться на рассмотрение Технического совета.

Передаваемые на рассмотрение Технического совета материалы докладываются на заседаниях совета сотрудниками Бюро № 2.

5. Утвердить начальником Бюро № 2 Судоплатова П. А., заместителями начальника бюро тт. Сазыкина Н. С., Эйтингона Н. И. и Василевского Л. П.»⁴¹.

⁴¹ Протокол № 6 заседания Специального комитета при СНК СССР от 28 сентября 1945 года. // цит. по Атомный проект СССР: Документы и материалы в 3 т. Том 2. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1. Сэрв, 1999. С.27–28.

Отдел «С» начинает действовать

Отдел «С» появился в структуре центрального аппарата НКГБ СССР 27 сентября 1945 года. Его начальником был назначен Павел Судоплатов. Его заместителями стали люди, далекие от научно-технической деятельности и имевшие минимальные знания в области атомной физики: генерал-лейтенант Николай Степанович Сазыкин⁴² и генерал-майор Наум Исаакович Эйтингон. Был и третий заместитель, Лев Петрович Василевский.

Если с последними двумя мы уже встречались на страницах нашей книги, то с первым из заместителей – впервые. Генерал-лейтенант сделал стремительную карьеру, придя в органы госбезопасности в 1937 году. Он успел непродолжительное время побыть руководителем органов госбезопасности Молдавии и Эстонии, пару месяцев осенью 1941 года был начальником особого отдела НКВД по Южному фронту, а также занимал пост заместителя начальника Второго (контрразведка) управления НКГБ СССР.

Штат отдела «С» состоял из 34 сотрудников (оперативные и научные работники, переводчики, библиотекарь, шифровальщик, технический персонал и т. п.). Дополнительно

⁴² Сазыкин Н. С. (1910–?) – генерал-лейтенант госбезопасности, доктор технических наук, на пост заместителя начальника Отдела «С» НКВД СССР был назначен с поста уполномоченного НКГБ-НКВД СССР по Эстонии.

предусматривался резерв по «негласному штату» – 20 человек. Первым на работу зачислили оперативного работника – подполковника госбезопасности Глеба Ивановича Рогатнева и научного работника Якова Петровича Терлецкого.

П. А. Судоплатов

Н. С. Сазыкин

С чекистом Павел Анатольевич Судоплатов был знаком хорошо, наверно, он сам и выбрал его в качестве одного из будущих сотрудников отдела «С». Глеб Иванович Рогатнев в марте 1938 года по партийной мобилизации был зачислен в НКВД. После обучения был назначен в центральный аппарат внешней разведки. С октября 1940 года по август 1941 года – резидент советской внешней разведки в Италии. Один из тех, кто заранее сообщил в Центр о готовящемся на СССР вероломном нападении Германии. Когда вернулся из заграничной командировки, то имел неосторожность поинтересоваться – почему Москва не реагировала на его сигналы. Это могло стоить ему карьеры на Лубянке. В течение нескольких месяцев находился в резерве – ждал решения своей участи. Сейчас сложно сказать, вмешался ли в его судьбу случай или Павел Анатольевич Судоплатов, но с января 1942 года по август 1945 года Глеб Иванович Рогатнев трудился начальником отделения в Четвертом управлении НКВД-НКГБ СССР⁴³.

В руководстве Отдела «С» НКГБ-НКВД СССР было двое ученых-физиков, случайно попавших на работу в это подразделение. Дело в том, что до начала службы в НКВД они имели весьма смутное представление о ядерной физике. Один из них, Аркадий Никифорович Рылов⁴⁴, по утвер-

⁴³ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С.336.

⁴⁴ Горелик Г. Шпионаж века – новые имена? // Знание-сила, 1998 год, № 9.

ждению Павла Судоплатова, проявлял большую склонность к аналитическо-разведывательной работе, но так и не сделал научной карьеры. В начале пятидесятых годов прошлого века он выезжал за рубеж для участия в работе Международной комиссии по ограничению распространения ядерного оружия.

Другой, уже упоминавшийся выше физик-теоретик Яков Петрович Терлецкий, – личность в научном мире известная. И не только своими научными достижениями, но и независимым характером. На Лубянке он проработал до 1950 года, пока не обратился с письмом к Иосифу Сталину. Ему разрешили уйти из «органов» и заняться наукой. В 1951 году он стал лауреатом Сталинской премии.

Л. П. Василевский

В 1945 году он был далек от проблем атомной энергии.

Докторант физического факультета МГУ, лауреат Сталинской стипендии, тема докторской диссертации: «Динамические и статистические законы физики». Осенью 1943 года молодого кандидата наук пригласил к себе работать Игорь Васильевич Курчатов, но тот отказался от заманчивого и перспективного предложения.

Второй раз Яков Терлецкий столкнулся с атомной темой в августе; 1945 года, когда американцы уничтожили японские города Хиросиму и Нагасаки. Как он сам вспоминал много лет спустя:

«... август и сентябрь (1945 года. – Прим. авт.) прошли в тяжелых раздумьях, стало ясно, что наша наука отстала».

На Лубянку Якова Терлецкого вызвали вместе с Аркадием Рыловым 24 сентября 1945 года. Понятное дело, приглашение в НКВД их не обрадовало. Времена тогда были такие. На пропусках у них было указано: «к тов. Судоплатову», но на самом деле с ними хотел встретиться сам Лаврентий Берия. В тот день randevu не состоялось.

Ученые пришли на следующий день и попали в приемную к Павлу Анатольевичу Судоплатову. Вместе с ними на собеседование вызвали доцента физфака МГУ Ф. А. Королева. В кабинет начальника Отдела «С» они заходили по очереди.

Первым пошел доцент. Через несколько минут он вышел обратно в возбужденном состоянии. Своим коллегам он признался, что высказал свое негативное отношение к руково-

дителям советской ядерной физики и его за это называли нигилистом. Вот так закончилась его работа в Отделе «С». Это никак не повлияло на его научную карьеру. Позднее он стал профессором физфака МГУ, а в 1957 году – лауреатом Государственной премии за работы по направленному взрыву.

Затем пришла очередь Якова Терлецкого. Зайдя в кабинет, он увидел несколько генералов и людей в штатском. После ответов на несколько вопросов биографического характера и просьбы рассказать про атомную энергию он услышал: – Не хотите ли вы у нас работать?

Ученый решил, что речь идет о его желании заняться ядерной физикой, и ответил, что готов выполнить любой приказ Родины. И если это необходимо, то и исследованиями атома. Добавив при этом, что желал приступить к новой работе с 11 октября – после защиты докторской диссертации. Павел Анатольевич Судоплатов с улыбкой и многозначительно посмотрел на визитера и ничего не сказал.

Вторая их встреча произошла 26 сентября 1945 года, когда ученые в очередной раз вошли в здание на площади Дзержинского рядом с магазином «Детский мир». Павел Судоплатов объявил Якову Терлецкому и Аркадию Рылову об их назначении заместителями начальника Отдела «С» НКВД СССР по научной части. Якову Терлецкому позволили продолжать заниматься своей научной деятельностью в МГУ в той же должности, а о новом месте работы не упоминать или говорить о работе по совместительству в Совнарко-

ме СССР. Ученым объявили о благах, связанных с новым местом службы: квартиры, высокий оклад и литерное обслуживание (получение промтоваров и продуктов в закрытом распределителе), значительно превосходящее снабжение ученых МГУ. А еще им на двоих была выделена служебная автомашина. Неслыханная по тем временам роскошь для еще не успевшей оправиться после окончания войны Москвы.

В первый день работы на новом месте, 27 сентября 1945 года, Яков Терлецкий обнаружил, что вводящий его в курс дела Лев Петрович Василевский слабо разбирается в ядерной физике. Его рассказ о плутонии и его производстве напоминал пересказ обзора, подготовленного группой ученых. Любые вопросы о непонятных деталях нового сотрудника вызывали недовольство «лектора». Он был явно недоволен тем, что слушатель сразу понял поверхностность его познаний в области физики.

Низким уровнем знаний страдали не только руководители, но и рядовые сотрудники Отдела «С». Например, большинство переводчиков не знало физики. При этом нужно учитывать, что большинство текстов описывали теоретические и экспериментальные расчеты в сфере атомной энергии и атомной бомбы, непонятные даже выпускникам физфака МГУ.

Яков Терлецкий утверждает, что большинство документов, – проходившие через его руки фотокопии с иностранных научных отчетов. На них даже сохранялись грифы сек-

ретенности, а вот все имена были затерты. Если они случайно встречались в тексте, то их запрещалось переводить. Также не разрешалось интересоваться, кем эти отчеты были скопированы и переданы.

Заместители по научной работе начальника Отдела «С» консультировали переводчиков по переводу научных отчетов на русский язык, общему редактированию и составлению кратких аннотаций для доклада на Научно-техническом совете по «проблеме № 1». Вот и пришлось Якову Терлецкому в авральном порядке расширять свой кругозор и изучать основы атомной физики.

Первый доклад о проделанной сотрудниками Отдела «С» работе состоялся вечером 15 октября 1945 года на заседании научно-технического совета Спецкомитета. На этом мероприятии присутствовали: академик Игорь Васильевич Курчатов, член-корреспондент Академии наук Юлий Борисович Харитон⁴⁵, заместитель наркома НКВД Авраамий Павлович Завенягин, руководство отдела «С» – Павел Анатольевич Судоплатов, Николай Степанович Сазыкин и Лев Петрович Василевский, а также ряд других лиц. Ведущий заседание нарком Василий Львович Ванников объявил, что будут доложены материалы «Бюро № 2», тактично погасив вопросы об этой таинственной организации. Яков Терлецкий кратко изложил аннотации. После нескольких простых вопросов до-

⁴⁵ Харитон Ю. Б. (1904–1996) – физик, академик. Лауреат Ленинской и трех Государственных премий СССР, кавалер пяти орденов Ленина.

кументы были распределены по потребителям. На этом заседание научно-технического совета было завершено. Последующие заседания проходили менее торжественно, но порядок их проведения остался без изменений.

На следующий день, 16 октября 1945 года, Павел Судоплатов устроил обед у себя дома. Формальный повод – успешная защита докторской диссертации Якова Терлецкого. Возможно, истинная причина застолья – успешное заседание научно-технического совета и доказательство эффективности работы Отдела «С».

Сохранились воспоминания Якова Терлецкого об этом приеме. Их автора сложно обвинить в предвзятом отношении к своему начальнику. И если все было действительно так, то пусть каждый сам сделает свои выводы.

«Он⁴⁶ занимал шикарный особняк с большой гостиной на улице Мархлевского. Организацией обеда занимались некоторые сотрудники Отдела „С“: ездили за столовой посудой на дачу Судоплатова, доставали продукты, вина и тому подобное. Вечером в гостиной у Судоплатова собрались генерал Сазыкин с женой, полковник Василевский с женой, подполковник Иванов, Рылов (без жены, так как его семья еще не вернулась из эвакуации), жена Судоплатова с сыном лет десяти. Все было приготовлено на недостижимо высоком для тех времен уровне. Я и моя жена выглядели убого одетыми, жена почувствовала плохо скрываемую презритель-

⁴⁶ Павел Анатольевич Судоплатов. – Прим. авт.

ность жеста Судоплатова, когда он двумя пальцами взял ее поношенное пальтишко, которое галантно помог ей снять. Целью обеда было не только ввести нас в свою среду, но и прощупать в более интимной обстановке наши склонности и характеры. Я это почувствовал с самого начала. Когда сели за стол, генерал Сазыкин торжественно преподнес нам ордер на две комнаты в квартире дома НКВД. Потом были тосты, но все пили очень мало, почти ничего не пил Судоплатов»⁴⁷.

⁴⁷ Цит. по Терлецкий ЯЛ. Операция «Допрос «Нильса Бора». // ВИЕТ, 1994 год, № 2, С.28.

Одиссея Клауса Фукса

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года в Германии в деревне Рюссельхайм под городом Дармштадтом. Его отец служил лютеранским священником и был сторонником идеи так называемого «христианского социализма». В 1912 году он вступил в Социалистическую партию Германии. После окончания гимназии «Оденвальдшуле» в Эйзенахе Клаус в 1928 году поступил в Лейпцигский университет, где начал заниматься математикой и теоретической физикой. В мае 1931 года семья Фуксов переехала в Киль, и Клаус продолжил свое образование в Кильском университете. Там он вступил в Социалистическую партию, а в 1932 году – в Компартию Германии.

В 1933 году пришедший к власти Гитлер запретил компартию и по Германии прокатилась волна арестов и убийств коммунистов. Не избежал опасности и Фукс, которого штурмовики Кильского университета заочно приговорили к смертной казни. В результате он был вынужден перейти на нелегальное положение и в июле 1933 года эмигрировать во Францию. Там он активно включился в работу антифашистского комитета, которым руководил Анри Барбюс. Впрочем, во Франции Фукс не задержался и уже 24 сентября 1933 года по приглашению английского промышленника Рональда Ганна, с которым был знаком его отец, выехал в Англию.

Вскоре по протекции Ганна Фукс был принят на работу в Бристольский университет в лабораторию известного физика Невилла Мотта, где начал заниматься вопросами теоретической физики. Будучи талантливым ученым, Фукс уже в декабре 1936 года защитил докторскую диссертацию на тему «Связующие силы металлической меди и эластические константы моновалентных металлов». После защиты Мотт рекомендовал Фукса профессору Максу Борну, который руководил лабораторией в Эдинбургском университете. В результате в феврале 1937 года Фукс переезжает в Эдинбург, а в июле 1937 года становится стипендиатом фонда Карнеги. Работая под руководством Борна, он написал ряд статей, которые были отмечены в ученом мире.

Здесь надо особо отметить, что все эти годы Фукс продолжал оставаться нелегальным членом КППГ и не скрывал своих прокоммунистических взглядов. Однако заключение советско-германского Пакта о ненападении вызвало у него двоякое чувство. Позднее по этому поводу он говорил следующее: «Советско-германский пакт было трудно понять, но все же я пришел к выводу, что СССР сделал это, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к войне.

После начала Второй мировой войны Фукс, как «враждебный» иностранец, предстал перед комиссией по проверке лояльности. Профессор Борн ходатайствовал за сотрудника своей лаборатории. Благодаря этому Фукс получил так называемую льготную категорию «С» и должен был лишь перио-

дически отмечаться в местном полицейском участке. Но после того как Германия оккупировала Данию, Бельгию, Голландию и Францию, политика Англии по отношению к немцам-эмигрантам ужесточилась. В мае 1940 года Фукс был интернирован в лагерь для иностранцев на острове Мэн. А через два месяца интернированных немцев и итальянских военнопленных из этого лагеря отправили в Канаду, где разместили в пригороде Квебека Шербруке. Там Фукс находился до декабря 1940 года, пока благодаря усилиям Борна и Ганна не был освобожден. Он вернулся в Англию и продолжил работу в Эдинбургском университете,

В начале 1941 года Фукс принял английское гражданство, а в мае получил приглашение от Рудольфа Пайерлса, руководителя английской программы создания атомной бомбы, участвовать «в одном военном проекте». После недолгих раздумий Фукс ответил согласием и с июня начал работать в Бирмингемской лаборатории в рамках проекта «Тьюб эллойз» по созданию английской атомной бомбы. После нападения фашистской Германии на Советский Союз Фукс принимает решение помочь нашей стране. Осенью 1941 года во время одной из поездок в Лондон он связался со своим знакомым, эмигрантом из Германии Юргеном Кучински. По мнению Фукса, Кучински мог бы вывести его на сотрудников советской разведки. И здесь он не ошибся. Юрген Кучински, один из руководителей Компартии Германии, был хорошо знаком с послом СССР в Лондоне Иваном Михай-

ловичем Майским, а его сестра Урсула Кучински была кадровой сотрудницей советской военной разведки.

Юрген Кучински сообщил о просьбе Фукса послу Майскому, а тот в свою очередь рассказал о Фуксе резиденту ГРУ Ивану Склярову. Причиной такого решения было то, что отношения между Майским и резидентом ИНО НКВД Анатолием Горским не сложились. Что касается Склярова, то он поручил встретиться с Фуксом своему помощнику Семену Кремеру.

Во время следующего приезда Фукса в Лондон Кучински передал ему, что он может встретиться с советским представителем в один из ближайших вечеров на одной из улочек западного Лондона. А для того чтобы Фукс был твердо уверен, что встретился с нужным человеком, тот скажет ему пароль: «Привет от Кучинского».

Здесь надо сделать небольшое уточнение. Почему-то считается, что в 1941 году Фукс сам пришел в советское посольство и лично обратился к послу Майскому. Но это не соответствует действительности. Семен Кремер, поддерживавший контакт с Фуксом в это время, утверждает:

«Я хорошо помню, что в советское посольство Фукс никогда не приходил. О встрече с ним мы договорились через доктора Кучински. Она состоялась на одной из улиц западного Лондона ночью. К этой встрече я готовился очень тщательно, постоянно проверялся»⁴⁸.

⁴⁸ Шестов Ст. Бомба: Тайны и страсти атомной преисподней. СПб., 1995. С.33.

Во время этой встречи Фукс рассказал Кремеру о начале работ по созданию атомной бомбы в Англии и США. А на вопрос, почему он решил передать эти сведения Советскому Союзу, ответил, что СССР необходимо иметь свою бомбу для обеспечения собственной безопасности. «В это время, – рассказывал позднее Фукс, – у меня не было ни малейших сомнений в правильности советской внешней политики и я был уверен в том, что западные союзники сознательно способствуют тому, чтобы Советский Союз и Германия полностью истощили себя в смертельной схватке. Я не испытывал ни малейших колебаний, передавая советским представителям всю известную мне информацию, хотя я старался, по крайней мере вначале, сообщать им только результаты моих собственных исследований»⁴⁹.

Во время следующей встречи с Кремером Фукс передал ему большой блокнот с материалами об английском проекте «Тьюб эллоуз». Но весной 1942 года связь Фукса с резидентурой ГРУ в Лондоне прервалась из-за того, что Кремер был отозван в Москву. В результате Фукс был вынужден вновь обратиться за помощью к Юргену Кучински. На этот раз Кучински связал его со своей сестрой, Урсулой Кучински (Соня), которая в начале 1941 года прибыла из Швейцарии в Англию с заданием организовать работу нелегальной резидентуры.

⁴⁹ Кулишов В. Конец атомному секрету // Профессия: разведчик. М., 1992. С.132.

Их первая встреча состоялась летом 1942 года. Оператором Фукса Соня была до ноября 1943 года и за это время передала в Центр через своего связника, работника легальной лондонской резидентуры ГРУ Николая Аптекаря (Сергей), большое количество важной информации. Об объеме и характере переданной Фуксом информации можно судить по секретному меморандуму директора; ФБР Э. Гувера специальному помощнику президента США контр-адмиралу С. Сауэрсу от 2 марта 1950 года:

«В соответствии со своим намерением передавать Советскому Союзу только результаты своих собственных работ Фукс передавал советскому агенту копии всех докладов, подготовленных им в Бирмингемском университете.

Помимо копий документов, автором которых он был сам, Фукс действительно сообщил советскому агенту в общих чертах о научно-исследовательских работах в рамках программы «Тьюб эллойз» в Великобритании и о создании небольшой экспериментальной станции по изучению процессов диффузии урана на базе одного из заводов министерства снабжения в Северном Уэльсе (объект «Долина»). Он сказал, что никакой проектно-конструкторской информации по этой экспериментальной станции и используемому на ней инженерному оборудованию он советским агентам не передавал. Кроме того, он сообщил русским, что аналогичные исследования проводятся также в Соединенных Штатах и что между двумя странами существует сотрудниче-

ство в этой области»⁵⁰.

Фукс работал в Бирмингеме до ноября 1943 года. А его дальнейшую судьбу определило соглашение, подписанное Черчиллем и Рузвельтом 19 августа 1943 года в Квебеке, по которому Великобритания и США объединяли свои усилия в создании атомной бомбы. И уже вскоре Фукс получил приглашение от руководителя Национальной лаборатории в Лос-Аламосе Роберта Оппенгеймера продолжить свою работу в США.

Оппенгеймер основал эту лабораторию весной 1943 года «для исследования, конструирования и постройки атомной бомбы».

Вот как описывался этот сверхсекретный объект, расположенный в безлюдной местности в штате Нью-Мексико (до ближайшего населенного пункта – небольшого городка Санта-Фе – семьдесят километров), в окружении военных полигонов, в одной из справок, подготовленных сотрудником 3-го отдела Первого управления НКГБ Еленой Михайловной Потаповой:

«Лагерь–2 (он же Лагерь „У“, Лаборатория 2 – одно из кодовых наименований этой лаборатории, используемое советской разведкой) изолирован от внешнего мира. Он расположен в пустынной местности на вершине плоской „столовой“ горы. На территории лагеря, огороженного колючей проволокой и находящегося под специальной усиленной охра-

⁵⁰ Там же. С.132.

ной, проживает около 2000 человек. Для них созданы хорошие бытовые условия: удобные квартиры, площадки для игр, бассейны для плавания, клуб и т. п. Почтовая переписка с внешним миром контролируется. Выезд работников из лагеря разрешен только по предварительному разрешению военных властей»⁵¹.

Фукс согласился и 22 ноября 1943 года получил въездную визу в США. После этого он встретился с Урсулой Кучински и сообщил ей о предстоящей поездке в Америку. Во время следующей встречи Кучински передала ему инструкцию по установлению контактов с американским связником Раймондом. Встреча с ним должна была произойти в первую субботу февраля 1944 года в Нью-Йорке. Обговорив условия связи, Фукс 28 ноября вместе с тридцатью другими английскими учеными отплыл из Ливерпуля в Норфолк, штат Виргиния.

3 декабря 1943 года Фукс прибыл в Норфолк, получил подъемные и через четыре дня был в Нью-Йорке, где располагалась британская научная миссия. В Нью-Йорке он сначала поселился в «Тафт-отеле», а потом переехал в меблированные комнаты на 77-й улице. С декабря 1943 года Фукс начал работать в Колумбийском университете, где занимался разработкой математического аппарата газодиффузионного

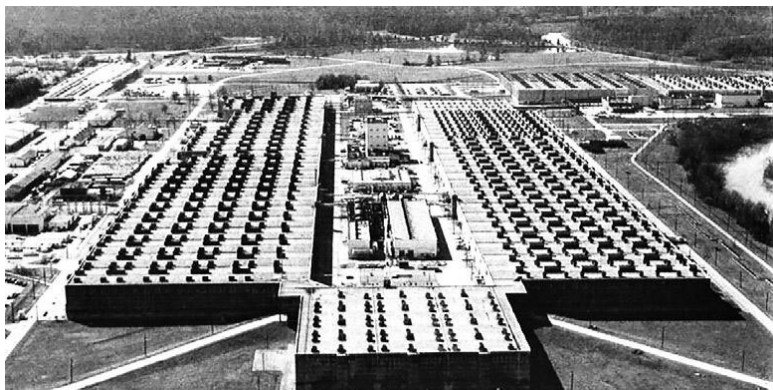
⁵¹ Письмо НКГБ Л. П. Берия «о ходе работ по созданию атомной бомбы за Рубежом» от 28 февраля 1945 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1. 1938–1945; в 2 ч. Часть 2. С. 235.

процесса и решением конкретных технологических проблем строящегося комплекса в Оук-Ридже. В январе 1944 года он был внесен в список ученых, которым разрешалось посещать различные исследовательские центры «Манхэттенского проекта» без специального разового разрешения. Правда, ему по-прежнему было запрещено посещение без специального разрешения военной контрразведки закрытых исследовательских центров и ознакомление во время этих посещений с секретной документацией.

В субботу 4 февраля 1944 года Фукс, как было условлено, встретился со своим связником Гарри Голдом (Раймонд), являвшимся агентом советской внешней разведки. Причиной передачи Фукса на связь с ИНО НКВД было решение руководства СССР сосредоточить работу по атомной проблеме в руках внешней разведки.

Фукс коротко проинформировал Голда о работах по созданию атомной бомбы в США и своем участии в них, а также договорился о следующих встречах. Всего с февраля по июль 1944 года Фукс встречался с Голдом пять раз и передал ему информацию об опытной промышленной установке К-25 в Оук-Ридже, о мембранах, используемых в газодиффузионном процессе, их композиционном составе. Кроме того, он передал Голду копии всех докладов, подготовленных английской научной миссией. Все сведения, полученные от Чарльза (такой псевдонима дали Фуксу в нью-йоркской резидентуре), были срочно отправлены в Москву и получи-

ли высокую оценку.

Установки по производству металлического урана К-25 в Оук-Ридже, штат Теннесси

Летом 1944 года после запуска промышленной установки по производству металлического урана в Оук-Ридже американцы предложили Фуксу принять участие в работах на объекте, расположенном на юге страны. На сборы было дано всего несколько дней, и уже 14 августа 1944 года Фукс оказался в Лос-Аламосе, где стал сотрудником группы Т-1 («Термодинамика импловзивных процессов») отдела теоретической физики. О своей работе в группе Т-1 он впоследствии вспоминал так:

«В конце 1944 года я начал заниматься теоретическими расчетами величины необходимой массы плутониевого

ядерного горючего и разработкой метода имплозии (взрыва, сходящегося внутрь) для перевода заряда в надкритическое состояние. Моей задачей как раз стала разработка математического аппарата, способного объяснить возникавшие в ходе экспериментальной фазы исследования колебаний, нарушавшие одновременное протекание имплозивного эффекта, в результате чего запал в самом центре плутониевой бомбы взрывался слишком быстро, и ядерного взрыва всей надкритической массы плутония не происходило. Этой проблемой, оказавшейся исключительно сложной как в техническом, так и в теоретическом плане, я занимался вплоть до Аламогордо. И разумеется, я подробно проинформировал советских товарищей о том, как была решена эта задача и на какой теоретической базе»⁵².

⁵² Там же. С. 141–142

КПП на главном въезде в Лос-Аламосскую национальную лабораторию Департамента энергетики США

Отъезд Фукса в Лос-Аламос был для него полной нежиз-

данностью, и поэтому он не сумел предупредить о нем Голда. В результате связь с Фуксом прекратилась, и для ее восстановления руководством нью-йоркской резидентуры внешней разведки было принято решение направить Голда к сестре Фукса Кристель Хейнеман, проживающей в пригороде Бостона Кембридже. Голд дважды, в сентябре и ноябре, побывал в Кембридже. В первый раз служанка сказала ему, что супруги Хейнеман находятся в отпуске и вернутся не раньше середины октября. Во время второго посещения Голду удалось поговорить с Кристель Хейнеман и оставить письмо для Фукса с просьбой позвонить по указанному телефону и сказать: «Я приехал в Кембридж и пробуду здесь столько-то дней».

Однако Фуксу удалось побывать у своей сестры только в феврале 1945 года. Тогда она и рассказала ему о визите некоего друга и передала письмо. Фукс позвонил по указанному телефону и через два дня встретился с Голдом в доме своей сестры. Во время этой встречи Фукс кратко проинформировал Голда о лаборатории в Лос-Аламосе и передал письменный отчету в котором суммировал все, что было ему известно о завершающей стадии создания американской атомной бомбы. Кроме того, они условились о следующей встрече в июне в городе Санта-Фе.

После возвращения в Лос-Аламос Фукс 4 июня 1945 года присутствовал на расширенном заседании координационного совета под председательством Оппенгеймера, на кото-

ром было доложено о готовности всех лабораторий к предстоящему испытанию атомной бомбы под кодовым названием «Тринити». Через несколько дней Фукс выехал на встречу с Голдом в Санта-Фе. Он передал ему доклад, где содержалось полное физико-математическое описание плутониевой бомбы, которую предстояло испытать на полигоне, ее чертежи и расчетную мощность. Кроме того, Фукс сообщил предполагаемую дату испытаний – 16 июля, приблизительное местонахождение полигона, а самое главное – что США твердо намерены использовать атомную бомбу для окончательной победы над Японией.

За все время сотрудничества Фукса с советской разведкой у англичан и американцев не возникло и тени подозрения в его лояльности. Но 5 сентября 1945 года произошло событие, которое сыграло роковую роль в судьбе Фукса. В этот день Игорь Гузенко, шифровальщик резидента ГРУ в Оттаве Николая Заботина, попросил у канадских властей политического убежища. Последствия этого побега оказались катастрофическими для советской разведки. Канадская королевская комиссия по вопросам шпионажа выявила имена 19 агентов ГРУ в Канаде, в том числе физика Аллана Мея. Он был арестован в Англии 4 марта 1946 года, признался в передаче советским представителям материалов по атомной бомбе и был осужден на 10 лет каторжных работ. Разоблачение Мея явилось сильной пощечиной ФБР и МИ-5 и заставило их начать проверку всех лиц, имеющих отношение

к созданию атомной бомбы.

Начальник проекта «Манхэттен» генерал-майор Лесли

Гровс и Роберт Оппенгеймер осматривают полигон «Тринити». Сентябрь 1945 г.

Тем временем ничего не подозревающий Фукс продолжал работать в Лос-Аламосе. В сентябре было решено, что члены британской научной миссии покинут США и продолжат свою работу в Англии. Фукс должен был вернуться в Англию в феврале следующего года. Поэтому во время его последней встречи с Голдом 19 сентября 1945 года он получил условия связи в Лондоне: Морнингтон-Кресент, первая суббота каждого месяца в 8 часов вечера. Однако по просьбе американцев Фукс задержался в США до июня. Все это время он вместе с Эдвардом Теллером работал над проблемами создания термоядерного оружия.

Вернувшись в Англию, Фукс вновь был привлечен к программе создания атомной бомбы, на этот раз английской. В июле 1946 года он возглавил отдел теоретической физики в британском научном центре в Харуэлле (рядом с Оксфордом). К сожалению, в это время связь Фукса с советской разведкой вновь оборвалась. Причиной тому было предательство Гузенко, после которого Центр принял решение временно заморозить контакты с агентурой, занимавшейся атомной проблемой. Тогда, как и в прошлый раз, Фукс начал восстанавливать связь сам. К этому времени Юрген Кучински уже покинул Англию, поэтому Фукс обратился к его жене, которая направила его к Ханне Клопшток. Ей Фукс рас-

сказал, что работает на секретном объекте и связаться с ним по телефону невозможно. Клопшток передала слова Фукса руководителю немецкого землячества коммунисту Гансу Зиберту, который и связался с сотрудником резидентуры внешней разведки в Лондоне Ерзиным.

Однако в Центре не торопились устанавливать контакт с Фуксом. Поэтому он обратился за помощью к своей давней знакомой, сотруднице газеты «Дейли уокер» Анджеле Такетт. В свою очередь Такетт передала просьбу Фукса о встрече с «большой Ханной» все тому же Зиберту, после чего в Москве было решено связаться с Фуксом через Клопшток. Их встреча состоялась 19 июля 1946 года и прошла без осложнений. Фукс рассказал, что в Харуэлле он занимает весьма ответственный пост и уверен, что находится вне всяких подозрений. Получив отчет об этой встрече, в Центре решили, что с Фуксом должен работать кадровый офицер разведки. С этой целью в Лондон в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке был командирован Александр Феклисов, который официально занял должность второго секретаря посольства.

Первая встреча Фукса с Феклисовым произошла 27 сентября 1947 года. Их дальнейшие встречи происходили регулярно, а о важности переданной Фуксом информации можно судить по следующему отзыву: «Полученные материалы очень ценные и позволят сэкономить 200–250 млн рублей и сократить сроки освоения проблемы».

Вот перечень только части материалов, переданных Фуксом с осени 1947 по май 1949 года:

детальные данные о реакторах на химическом заводе по производству плутония в Уидскейле;

сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;

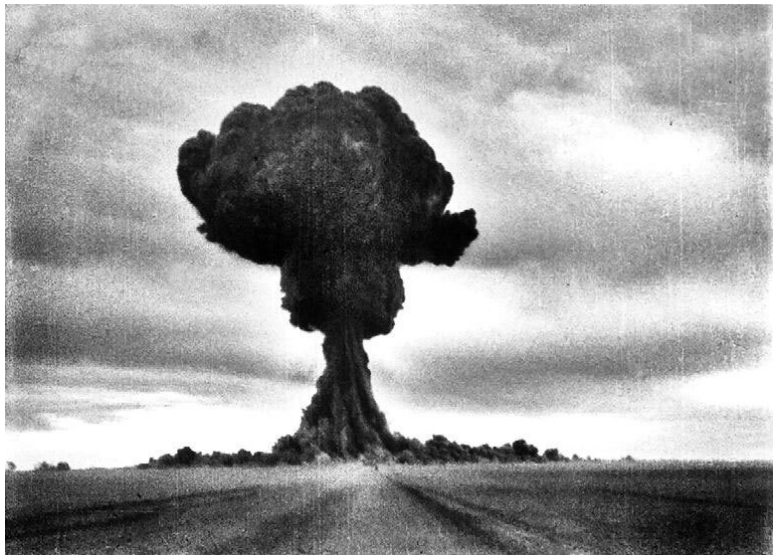
планы строительства завода по разделению изотопов; принципиальная схема водородной бомбы и теоретические данные по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии в 1948 году;

результаты испытаний американцами ураново-плутониевой бомбы в атолле Эниветок;

справка о состоянии англо-американского сотрудничества в области производства атомного оружия⁵³.

Последняя встреча Фукса с Феклисовым произошла 25 мая 1949 года. А 3 февраля 1950 года в лондонской резидентуре и в Москве, прочитав вечерние английские газеты, узнали, что накануне Фукс был арестован сотрудниками особого отдела Скотленд-Ярда по предписанию контрразведки МИ-5. При аресте Фуксу были предъявлены два обвинения:

⁵³ Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999. С.252.

Конец американской атомной монополии. Окрестности Семипалатинска, 29 августа 1949 г.

передача неизвестному лицу в 1947 году секретной информации, касающейся атомной энергетики;

передача информации, касающейся научных исследований в области атомной энергетики, неизвестному лицу в США в феврале 1945 года.

Что же послужило причиной провала Фукса? Прежде всего отметим, что после предательства Гузенко и ареста Аллана Мея американская и английская контрразведки начали обрабатывать каналы возможной утечки атомных секретов

в Советский Союз. Их усилия утроились после того, как 29 августа 1949 года в СССР была испытана первая советская атомная бомба. К сентябрю 1949 года сотрудники МИ-5 пришли к выводу, что среди английских ученых ответственным за утечку информации является Клаус Фукс. Это косвенно подтверждалось и тем, что в записной книжке Мея было обнаружено имя Фукса. А изучение материалов о прошлом Фукса выявило его принадлежность к Компартии Германии. Кроме того, американцы в 1946 году приступили к расшифровке перехваченных радиосообщений советских представительств в США. К 1949 году в рамках операции «Венона» (так в американских спецслужбах обозначили декодирование советских сообщений) был достигнут значительный успех, что позволило установить псевдонимы агентов советской разведки и время передачи ими добытых материалов своим операторам. В результате в декабре 1949 года в МИ-5 решили форсировать разработку Фукса. Его первый допрос состоялся 21 декабря 1949 года. В ходе допроса следователь контрразведки Уильям Скардон играл на лояльности Фукса к его английским друзьям и апеллировал к его чувству благодарности Англии, которая предоставила ему убежище и возможность заниматься наукой. В результате он добился от Фукса признания в принадлежности в прошлом к коммунистической партии. Однако свою причастность к атомному шпионажу Фукс категорически отрицал. Поэтому допросы были продолжены и в январе 1950 года. В конце концов

переживающий тяжелый внутренний кризис Фукс, которому объявили, что он отстранен от работы в Харуэлле, 24 января сделал признание о передаче информации по атомной бомбе советским представителям и был немедленно арестован.

Суд над Фуксом состоялся 1 марта 1950 года в центральном уголовном суде Олд Бейли. Председательствовал на процессе верховный судья Англии лорд Годдард, а главным обвинителем был генеральный прокурор Шоукросс. Защищал Фукса известный адвокат Бенетт. В ходе судебного разбирательства, которое продолжалось два часа, Фукс был признан виновным в нарушении государственной тайны и приговорен к 14 годам тюремного заключения. От смертной казни его спасло то обстоятельство, что в годы войны Советский Союз был союзником Великобритании.

Сведения, полученные во время процесса над Фуксом, помогли ФБР установить личность его связника Раймонда. В результате 20 мая 1950 года в США был арестован Гарри Голд, а затем и другие советские агенты – Дэвид Грингласс и супруги Розенберг. Судьба последних оказалась трагичной. В угоду ФБР и политической конъюнктуре они 19 июня 1953 года были казнены на электрическом стуле.

По существующей тогда традиции СССР отказался от своего агента. 8 марта 1950 года ТАСС выступило со следующим заявлением:

«Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атом-

щиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступивший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передавал атомные секреты «агентам Советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Первые месяцы заключения были для Фукса очень тяжелыми: заключенные считали его предателем. Но со временем отношение к нему изменилось. В свободное от работы время он организовал курсы по повышению грамотности, где вел все предметы. Кроме того, сам он много читал: как специальную литературу, так и художественные произведения.

Через девять с половиной лет, 24 июня 1959 года, Фукс был досрочно освобожден за примерное поведение. Оказавшись на свободе, он немедленно выехал в ГДР, где ему предоставили гражданство. Вскоре Фукс был назначен заместителем директора Института ядерной физики и вновь начал заниматься любимым делом. Через некоторое время он женился на Маргарите Кейлсон и поселился в Дрездене. Помимо работы в Институте ядерной физики Фукс преподавал в Высшей технической школе. В 1972 году его избрали членом Академии наук, а в 1975 году он получил Государствен-

ную премию первой степени. Кроме того, в 1979 году он был награжден орденом Карла Маркса. Летом 1968 года Фукс побывал в СССР, где посетил ряд научно-исследовательских институтов и встретился с советскими учеными. Однако советское руководство так и не отметило его заслуг в получении СССР атомных секретов.

Умер Клаус Фукс 28 февраля 1988 года. Как член ЦК СЕ-ПГ, он был похоронен на Кладбище социалистов в Берлине. На траурной церемонии присутствовало много народу, но, к сожалению, не было ни одного советского представителя.

Дело Розенбергов

В своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль» Павел Анатольевич Судоплатов сообщил «правду о деле Розенбергов». Он считал их жертвами «холодной войны», сыгравшими незначительную роль в операциях советской внешней разведки в США в годы Великой Отечественной войны⁵⁴. К сожалению, Судоплатов, в силу своего служебного положения, не был осведомлен о реальных достижениях супругов Розенберг в сфере отечественной научно-технической разведки. Поэтому нет ничего удивительно в том, что в своей книге он не сумел объяснить, почему арест этих людей в июне 1950 года (об этом факте он узнал из сообщения ТАСС), спустя год вдруг так встревожил только что назначенного министра госбезопасности Семена Денисовича Игнатьева. Последний приказал начальнику внешней разведки Савченко и начальнику Бюро № 1 МГБ СССР Судоплатову доложить ему обо всех материалах по провалам наших разведывательных операций в США и Англии в связи с делом Розенбергов. Также министр сообщил, что в ЦК создана специальная комиссия по рассмотрению возможных последствий в связи с арестом Голда, Грингласса и Розенберга.

Судоплатов решил, что речь шла о нарушении правил

⁵⁴ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. С.349–355.

оперативно-разведывательной работы сотрудниками органов госбезопасности⁵⁵.

Однако, повышенное внимание руководства страны к этому «провалу» было вызвано не только возможными ошибками сотрудников внешней разведки, но и резким ухудшением международного положения СССР, спровоцированного сотрудничеством подследственных с правосудием США. Если бы «тайные информаторы Кремля» заговорили, то факт добычи секретных материалов по американскому атомному проекту (как раз о нем они знали не так много) остался бы просто не замеченным на фоне других громких разоблачений. Например, вторая по значимости отрасль в военно-промышленном комплексе – радиоэлектроника (в частности, радиолокация) развивалась стремительными темпами благодаря деятельности Гарри Голда и Юлиуса Розенберга. Добавьте к этому достижения, напрямую не влияющие на обороноспособность страны, вспомним, что уже началась «холодная война», например, технология производства цветной фото- и киноплёнки. Теперь понятна причина волнения руководства СССР.

В этой связи членов ЦК интересовали ответы на два вопроса. Первый из них – степень осведомленности арестованных советских агентов о масштабах советского государственного промышленного шпионажа в Новом Свете и их участие в нем. Говоря другими словами, что реально они

⁵⁵ Судоплатов П. А. Указ. соч. С.351.

могли сообщить противнику. А второй – по чьей вине произошел «провал». Справедливости ради отметим, что руководство СССР не пыталось найти «стрелочников», как это обычно бывало в Советском Союзе, а хотело объективно понять, почему так произошло.

В своей книге Павел Анатольевич Судоплатов, если все происходило именно так, как он написал спустя полвека, на оба эти вопроса ответил, мягко говоря, не совсем точно. И ввел в заблуждение не только руководство МГБ и членов ЦК, но и современных читателей, считающих его экспертом по «советскому атомному шпионажу».

Мы исправим этот недочет и кратко расскажем о том, чем на самом деле занимался Юлиус Розенберг (оперативные псевдонимы «Либерал» и «Антенна»), и о руководимой им агентурной сети (группе) «Волонтеры». По утверждению американских историков, в нее входило как минимум восемнадцать человек. Большинство из этих людей – инженеры американских компаний, работавших в сфере военно-промышленного комплекса США. Среди переданных ими материалов были данные и по американскому атомному проекту. Детали их деятельности продолжают оставаться секретными и в наши дни. В настоящее время известно лишь, что член группы «Волонтеры» Альфред Саране трудился в лаборатории ядерной физики Корнеллского университета и передал сведения о строительстве циклотрона.

Почему о них Павел Анатольевич Судоплатов ничего не

рассказал в своей книге? Может быть, об этих «тайных информаторах Кремля» ничего не знал или предпочитал не говорить в силу понятных причин. Хотя в начале девяностых годов прошлого века факт связи Альфреда Саранса с советской разведкой был многократно озвучен в «открытой» печати.

Попытаемся ответить на два вопроса: что именно сообщили «Антенна» и члены группы «Волонтеры» в Москву и была ли вина Центра в «провале» этих ценных агентов?

Полный список переданной Юлиусом Розенбергом информации продолжает оставаться секретным. Известно лишь, что сам «Либерал» в декабре 1944 года добыл и вручил советскому разведчику Александру Семеновичу Феклисову (один из шести советских разведчиков, удостоенных звания Герой России за вклад в решение «атомной проблемы» в нашей стране⁵⁶) подробную документацию и образец готового радиовзрывателя. Это изделие высоко оценили наши специалисты. По их ходатайству было принято постановление Совета Министров СССР о создании специального КБ для дальнейшей разработки устройства и о срочном налаживании его производства. Между тем после окончания Второй мировой войны американская печать писала о том, что созданные в период войны радиовзрыватели по своему значению уступают лишь атомной бомбе и на их создание было

⁵⁶ Лашкул В. Судьба железнодорожника-разведчика. // Гудок, 2004 год, 10 марта.

истрачено свыше одного млрд долларов!

И это лишь один эпизод. А ведь только с Александром Семеновичем Феклисовым Юлиус Розенберг встречался 40 или 50 раз. И это не считая randevu с другими отечественными разведчиками: Анатолием Яцковым, супругами Коэн (оперативные псевдонимы «Лесли» и «Луис») и разведчиком-нелегалом Вильямом Фишером (оперативный псевдоним «Марк»). На каждую встречу с сотрудником или курьером советской разведки он приходил не с пустыми руками. Где тогда он каждый раз брал новые секретные документы? У своих друзей-коммунистов и тех, кто хотел поддержать Советский Союз в борьбе с Германией. Большинство из этих людей не давали расписки о сотрудничестве с советской разведкой, и, может быть, их имена даже не фигурировали в оперативной переписке резидентуры с Центром.

«Атомные» герои. Разведчики А. А. Яцков, Л. Р. Квасников, В. Б. Барковский и А. С. Феклисов, добывавшие информацию по атомной проблеме. 15 июня 1996 года всем им было присвоено звание Героя России

Герои России Морис и Леонтина Козн

Нужно учитывать специфичный метод работы советских агентов в США в годы Великой Отечественной войны. Его принято называть «бригадным». Члены каждой группы (только по линии научно-технической разведки их действовало не менее трех, не считая агентов-одиночек) действовали как бригада. Они прекрасно знали друг друга, часто фотографировали документы вместе, а все добытые материалы передавали через курьера или своего «бригадира».

Другая особенность – наличие «пятой колонны», состоящей из американских коммунистов и симпатизирующих этому политическому течению. Один из многочисленных при-

меров. В 1940 году в университетском городе Беркли в штате Калифорния (Центр научно-исследовательских работ по ядерной физике, впоследствии ставший теоретическим центром американского атомного проекта) трудилось около 100 ученых-коммунистов. И это когда популярность компартии США была не очень высокой (пакт Молотова-Риббентропа вызвал антипатии к СССР коммунистов всего мира). Часть из этих людей впоследствии участвовали в американской атомной программе. Именно среди этих людей агенты советской внешней разведки искали и находили своих информаторов.

Были коммунисты и в Лос-Аламосской лаборатории. Среди тех, кого подозревали в связях с советской разведкой, были приехавшие из Беркли в Лос-Аламос коммунисты: Роберт Дэвис (находился на секретном объекте с марта 1943 года по декабрь 1948 года) – заведовал библиотекой секретных отчетов и литературы и Дэвид Хокинс (в Лос-Аламосе с мая 1943 года до лета 1946 года) – занимал различные административные посты. Сотрудничество этих людей с Москвой официально не подтверждено, но оба находились под серьезным подозрением со стороны американской контрразведки.

Вид с воздуха на Лос-Аламосскую национальную лабораторию

Если бы Роберт Дэвис действительно был агентом советской разведки, то его достижения в сфере «атомного шпионажа» были бы колоссальными. Фактически подчиненные Павла Анатольевича Судоплатова могли бы заказывать нужные секретные материалы с учетом пожеланий Технического комитета.

А с Дэвидом Хокинсом, не имевшим к ядерной физи-

ке никакого отношения (он был дипломированным философом), другая история. По мнению отдельных американских журналистов и историков, он в Лос-Аламос попал по чьей-то протекции и занял один из административно-технических постов в аппарате управления атомного проекта. Его должность и личные качества характера позволили установить контакты с множеством ученых и инженеров⁵⁷. Маловероятно, что в Лос-Аламос он приехал по собственной инициативе. В 1943 году это место сложно было назвать комфортным. И если у физиков-ядерщиков не было особого выбора, где им еще заниматься научными исследованиями, то у административного работника был шанс найти работу в более цивилизованном месте. Если бы он был агентом Москвы и прибыл в Лос-Аламос, выполняя задание советской разведки или тех, кто работал на нее (например, друзей-коммунистов), то чем бы он занимался?

«Тайные информаторы Кремля» предлагали своим коллегам по работе и однопартийцам помочь Москве ускорить процесс создания советской атомной бомбы. Большинство людей отказывалось от участия в шпионаже, но при этом не сообщали о попытке «вербовки в лоб»⁵⁸.

Это затрудняло работу американской контрразведки. Например, в конце 1945 года в Нью-Йорк на несколько дней из Лос-Аламоса приехал высокопоставленный сотрудник аме-

⁵⁷ Эванс М. Тайная война из-за атомной бомбы. Вып.2. М., 1955. С.101–104.

⁵⁸ Эванс М. Тайная война из-за атомной бомбы. Вып.1. С.56–57.

риканского атомного проекта. ФБР не без оснований подзревало этого человека в сотрудничестве с советской разведкой, но доказать ничего не могло. С ним попытался встретиться советский разведчик Анатолий Антонович Яцков – один из шести советских разведчиков, удостоенных звания Герой России за вклад в решение «атомной проблемы» в нашей стране. Из-за того, что американца плотно опекали агенты ФБР, личной встречи не получилось⁵⁹. Этот человек так и не был разоблачен американской контрразведкой.

Советский агент Дэвид Грингласс был не таким простым и наивным, как это принято считать. На суде над ним выяснилось, что он должен был поступить в Чикагский университет – одно из учебных заведений, готовящих кадры для американского атомного проекта. Одновременно он, игнорируя предостережения более опытного старшего товарища – Юлиуса Розенберга, пытался вербовать (назовем это так) коллег по службе⁶⁰. Этот эпизод был озвучен в процессе суда, но потом о нем предпочли забыть.

Сам судебный процесс по делу супругов Розенберг длился недолго – меньше месяца. Он начался 6 марта 1951 года, а уже 5 апреля того же года судья Ирвинг Кауфмен объявил смертный приговор – казнь на электрическом стуле.

В своем последнем слове Юлиус Розенберг сказал:

«Я не удивлен вынесенным вердиктом – правительству

⁵⁹ Эванс М. Тайная война из-за атомной бомбы. Вып.2. С.97–98.

⁶⁰ Там же. С.98–100.

так нужен был кто-то, кто ответит за все его просчеты: и за гибель наших солдат в Корее, и за всеобщую нищету, вызванную избыточными оборонными расходами. Опять же, всем недовольным нужно было объяснить, что правительство теперь вправе их прикончить. Похоже, нам суждено стать первыми жертвами американского фашизма»⁶¹.

⁶¹ 55 лет назад супруги Розенберг были обвинены в шпионаже. // Новости разведки и контрразведки, 2006 год, № 5–6.

Юулиус и Этель Розенберг. Фото 1942 года

Мужественный был человек и убежденный коммунист. Он так и не признал себя виновным в участии в советском атомном шпионаже и тем самым не сохранил себе жизнь. А ведь мог. От него не требовалось кого-то предавать, кроме своих убеждений. Просто подтвердить уже известные следователям факты, выступить с покаянной речью на суде и отправиться отбывать наказание в одну из американских тюрем. Вопрос лишь в том, смог ли он бы жить после предательства самого себя? Скорее всего, нет.

Возможно, что в момент написания книги (было это в начале девяностых годов прошлого века) Павел Анатольевич Судоплатов продолжал придерживаться официальной точки зрения периода «холодной войны». Супруги Розенберг стали «стрелочниками», когда американским спецслужбам потребовалось объяснить, почему Москва смогла создать свою атомную бомбу.

Даже спустя пятнадцать лет после того, как Павел Судоплатов написал «правду о деле Розенбергов», ни Москва, ни Вашингтон не заинтересованы в оглашении правды о деятельности группы «Волонтеров».

Если официально признать, что «бригада» под руководством «Антенны» не только существовала, но и активно работала, то придется по-новому взглянуть на историю зарождения и становления отечественной радиоэлектроники, при-

знать, что научно-техническая разведка активно участвовала в этом процессе. Причем ее вклад был очень солидным.

В оглашении этого факта не заинтересована и пострадавшая сторона – США. С большой неохотой смирившись с потерей атомных секретов, Америке придется признать, что и во второй по значимости сфере – радиоэлектронике – она проиграла. А ведь были и другие достижения у отечественных «промышленных шпионов». Например, технология изготовления и проявки цветной фотопленки, производства нейлона и нового вида пороха. За добычу этих сведений советский агент Гарри Голд («Безумный», «Раймонд», «Гусь» и «Арно») был награжден в 1943 году орденом Красного Знамени. Случай уникальный для того времени⁶².

⁶² Чертопруд С. «Антенна» советской разведки. // Независимое военное обозрение, 2002 год, 31 мая, № 17(287).

Кто вы, Гарри Голд?

Этот человек стоял у истоков организации производства цветной кино- и фотопленки в СССР. В 1944–1945 годах он регулярно встречался с Клаусом Фуксом и потому спустя много лет был объявлен «атомным шпионом». Его заслуги Москва в 1943 году отметила орденом Красного Знамени, но в 1949 году отказалась спасти его – тайно вывезти из США. В конце сороковых годов прошлого века СССР стал одной из двух стран на планете, способной производить любой вид промышленной продукции, доступной в то время человечеству⁶³. В этом немалый вклад и Гарри Голда. В 1950 году американский суд дал ему тридцать лет тюрьмы. А в Советском Союзе о нем приказали забыть.

Сотрудничать с Москвой он начал в 1935 году. В июне 1943 года принимал участие в операции «Сульфо» – сборе материалов о разработке бактериологического оружия в Японии, Италии, Германии, США и Великобритании⁶⁴.

Мы не будем подробно останавливаться на добытой им лично секретной информации (отметим лишь, что она не имела отношения к атомной бомбе). Для нас важно другое – Гарри Голд исполнял обязанности курьера и регулярно

⁶³ Алексеев В. В. Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999. С.22.

⁶⁴ Позняков В. В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. С.413.

встречался с членами группы «Либералы», да и сам числился в ней. Поэтому нет ничего удивительного в том, что однажды приказ руководства свел его с Дэвидом Гринглассом.

В 1965 году Гарри Голда досрочно освободили. Последние семь лет своей жизни он не общался с репортерами и не пытался писать мемуары, а ведь рассказать мог очень много. Умер он в 1972 году.

Почему Гарри Голда зачислили в «атомные шпионы»? Как и в ситуации с супругами Розенберг, это было выгодно всем. В США никто не узнал, что скромный химик помог наладить Советскому Союзу производство цветной фото- и киноплёнки, а также сообщил о технологиях производства нейлона, пороха и другие ноу-хау, о которых еще не пришло время рассказать. Руководство нашей страны тоже не было заинтересовано в признании этих фактов. Если для супругов Розенберг выбрали роль «мучеников» – жертв американской Фемиды, то для Гарри Голда – роль слабохарактерного агента, который «сломался» под натиском ФБР и стал одним из ключевых свидетелей на процессе по делу «атомных шпионов».

«Моей единственной проблемой было то, что я всегда был уверен, что я прав».

Такие слова Гарри Голд произнес на суде в 1950 году. Это единственное объяснение всего того, что произошло с ним за 15 лет «двойной» жизни⁶⁵.

⁶⁵ Чертопруд С. Наградить и забыть. // Независимое военное обозрение, 2002

«Провал» по-американски

Официальная американская версия звучит примерно так. В середине сентября 1949 года лингвисту русского сектора армейской разведки США Мередиту Гарднеру (в рамках проекта «Венона») удалось прочитать фрагмент шифрограммы из Нью-Йорка в Москву от 15 июня 1944 года, в котором говорилось о передаче неким «Рестом» научного доклада по атомной проблематике агенту советской разведки. Буквально в течение недели ФБР удалось идентифицировать этого «Реста»: им был британский физик Клаус Фукс, работавший в проекте «Манхэттен» в составе Британской миссии. Об идентификации советского агента было немедленно сообщено контрразведке Великобритании, и после многочисленных допросов в конце января 1950 года арестованный сознался в передаче Советскому Союзу материалов по атомной бомбе.

Весьма скудные признания советского агента содержали упоминание о некоем «Раймонде» – американском связнике физика, человеке 40–45 лет, 5 футов 10 дюймов роста, коренастом и круглолицем, химике по профессии. Это описание каким-то магическим путем помогло ФБР весьма скоро выйти на соответствовавшего этому описанию Гарри Голда, который 22 мая 1950 года признался, что он был связником доктора Клауса Фукса. После десяти дней непрерывных до-

просов, 1 июня «Раймонд» вспомнил о встрече в июне 1945 года (на следующий день после встречи с Фуксом) с «молодым солдатом» в Альбукерке. Этим солдатом был механик Дэвид Грингласс, в 1944–1945 годах проходивший армейскую службу на главном объекте проекта «Манхэттен» в Лос-Аламосе.

Дэвид и Руфь Грингласс

С Гринглассом сработала та же тактика, что с Гарри Голдом: 15 июня агенты ФБР уговорили его ответить на вопросы, затем – на добровольный обыск, и уже в два часа ночи 16 июня Грингласс подписал заявление, в котором признавался, что в 1945 году передавал для Советского Союза информацию и «был завербован своей женой Руфью по просьбе и под руководством своего шурина, Юлиуса Розенберга».

Признание Грингласса дало ФБР возможность раскрыть еще один псевдоним из материалов «Веноны». В расшифрованном Мередитом Гарднером еще в 1947 году фрагменте телеграммы нью-йоркской резидентуры от 27 ноября 1944 года упоминалось о жене агента «Либерала» по имени Этель, 29 лет, «знающей о работе мужа», но «не работающей» из-за слабого здоровья. «Либерал» встречался в расшифрованных к тому времени Гарднером фрагментах от 22 октября – 20 декабря 1944 года шесть раз. И теперь с помощью Грингласса удалось наконец-то установить, что «Либерал», до сентября 1944 года выступавший под оперативным псевдонимом «Антенна», и Юлиус Розенберг – «возможно, одно и то же лицо». И сами Гринглассы были соответственно идентифицированы как встречающиеся в расшифровках «Калибр» и «Оса»⁶⁶.

⁶⁶ Малеванный В. С. «Венона», Юлиус и Этель. // Независимое военное обозрение, 1997 год, 29 марта, № 12(39).

«Провал» по-советски

Даже спустя полвека после тех событий историки и ветераны советской внешней разведки продолжают спорить о том, что стало причиной «провала» Гарри Голда. Была ли в этом вина Центра, предательство кого-то из агентов, профессиональная работа американских спецслужб или роковое стечение обстоятельств.

Два раза Гарри Голд был на грани провала. Его допрашивали сотрудники ФБР, и казалось, что он проиграл. Но проходили месяцы, и он снова был готов действовать.

Первый раз это случилось в 1939 году, когда Яков Голос активно разрабатывался американской контрразведкой. Тогда фамилия Голда даже не была упомянута на суде.

Второй раз – в 1946 году, когда Элизабет Бентли (оперативный псевдоним «Умница») стала сотрудничать с ФБР. Она указала на Гарри Голда как на одного из агентов. Тогда с ним побеседовали, однако оставили на свободе. Его вызов в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и допрос ее членом Ричардом Никсоном позволили сотруднику советской внешней разведки Максимову, у которого Гарри Голд находился на связи, заключить, что агент «засвечен». Об этом он сообщил в Центр.

Весной 1949 года новый куратор агента – офицер советской разведки Иван Каменев (выполняя приказ Центра) вне-

запно приехал в гости к Гарри. Они поговорили часа два и расстались. После этой беседы от услуг «Раймонда» было решено отказаться. Почему? Можно назвать два обстоятельства: агент исчерпал свои разведывательные возможности (работал в лаборатории обычной больницы) и мог находиться в разработке у американской контрразведки.

События, которые последовали за этим визитом, ветеранами советской внешней разведки и независимыми исследователями трактуются по-разному.

Одни убеждены, что Гарри Голд сотрудничал с ФБР. Если это так, то почему тогда американская контрразведка не смогла вычислить гостя Гарри – и не кого-нибудь, а второго секретаря представительства СССР в ООН? По мнению коллег Ивана Каменева, сделать это было достаточно просто. Вот как описывал его Максимов. Он «выделялся в толпе из тысячи людей: он небольшого роста, голова крупная, высокий лоб, как у мудреца». Для американцев он так и остался «неизвестным русским».

На следствии «Раймонд» сначала говорил об одной встрече, а потом вдруг заявил, что была и вторая. Если бы он работал под «контролем» ФБР, то такой ситуации не могло возникнуть. Даже если бы randevу происходили внезапно, и американцы не успевали к ним подготовиться, то агент должен был доложить о визитах советского разведчика. Удивляет и тот факт, что Голд во время свидания не настаивал на возобновлении работы, хотя очень обрадовался, когда уви-

дел Каменева. Маловероятно, что ФБР отказалось от идеи начать игру со спецслужбой главного противника.

А другие, наоборот, утверждают, что Голда просто бросила на произвол судьбы. Во время встречи Иван Каменев сказал, что в Центре разработан план экстренного тайного вывоза его из США. Если агент почувствует опасность, то должен стоять в определенном месте с курительной трубкой. Сигнал примут и ему сообщат, что нужно делать. И Гарри несколько раз появлялся в условном месте с трубкой, но никто не вступил с ним в контакт. Его сигнал о помощи просто проигнорировали. Списывать это на нелепую случайность или нежелание Центра рисковать – не совсем корректно. Достаточно сказать, что у других агентов, за которых активно бралось ФБР, был реальный шанс покинуть США. Каждый решал сам: воспользоваться или нет этим шансом. Есть и третья точка зрения. Спустя много лет Иван Каменев в одном из интервью⁶⁷ произнес такую фразу: «Все считают, что я как будто бы подвел Голда, а через него – Розенбергов, о существовании которых я не имел ни малейшего представления до того, как объявили об их аресте». Под словом «все» он подразумевал несколько человек из разведки, включая двух-трех ныне здравствующих ветеранов – таких, как Максимов. Хотя с 1950-х гг. Каменев больше никогда и ни с кем не обсуждал свою уже ставшую легендой конспиративную

⁶⁷ Малеванный В. С. Неизвестный русский. // Независимое военное обозрение, 1997 год, 1997 год, 19 июля, № 27.

операцию.

В любом случае Иван Каменев своим визитом не подтвердил связь Гарри Голда с советской разведкой. Говоря другими словами, он не привел «хвост». Значит, было что-то еще, что позволило коллегам считать разведчика причиной ареста «Раймонда». Что именно? Об этом мы, наверное, никогда не узнаем.

Гарри Голда арестовали 22 мая 1950 года. Считается, что его выдал Клаус Фукс. Физик подробно описал своего связника (приметы, род занятий и т. п.), а потом опознал его по фотографии. Возможно, что свою роль сыграли и данные, полученные в ходе операции «Венона» (дешифровка американцами перехваченных советских разведсообщений).

Неизвестный Бруно Понтекорво

Рассказ о Бруно Понтекорво мы считаем необходимым предварить следующими замечаниями. Прежде всего надо сказать, что представители Службы внешней разведки России никогда не делали официальных заявлений о том, что Понтекорво работал на советскую разведку. Но в то же время о его сотрудничестве с советской разведкой довольно подробно рассказывают в своих книгах Серго Берия (Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994) и Павел Судоплатов (Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля, М., 1997). Кроме того, в книге Владимира Чикова «Нелегалы», изданной в 1997 году, упоминается некий агент Мур, обстоятельства работы которого дают возможность предположить, что под этим псевдонимом скрывается именно Бруно Понтекорво.

Бруно Макс Понтекорво родился в 1913 году в Италии в городе Пиза в благополучной многодетной семье. В школе Понтекорво учился хорошо, но особыми успехами не блистал. Главным его увлечением в ту пору был теннис. Любовь к этому виду спорта он пронес через всю жизнь и считал себя настоящим его знатоком. В 1929 году после окончания школы Понтекорво поступил на инженерный факультет университета города Пизы. Там он проучился два года. И хотя, по словам самого Понтекорво, у него «были приличные отмет-

ки, после второго курса он решил оставить инженерные науки и перейти на третий курс физического факультета». Причиной такого решения, как это ни странно, оказалась нелюбовь Понтекорво к черчению. Брат Понтекорво Гвидо, узнав о его решении, одобрительно заявил: «Физика! Значит, тебе придется ехать в Рим. Там находятся Ферми и Разетти!»

Приняв решение изучать физику, Понтекорво в 1931 году отправился в Рим для поступления в Римский университет. Там он обратился к работавшему вместе с Ферми Разетти, в свое время учившемуся в университете в Пизе и хорошо знавшему семью Понтекорво.

Понтекорво поступил на третий курс физико-математического факультета Римского университета, причем подразумевалось, что в будущем он должен заниматься исследованиями экспериментального направления. Это оказалось самым важным событием в его научной жизни. С 1931 по 1936 год он сначала как студент, а потом как сотрудник работал в группе, руководимой Ферми, в которую входили Разетти, Амальди, Сегре и другие известные итальянские физики. По словам Понтекорво, Ферми не только обучал физику своих учеников, но и своим личным примером передавал свою глубокую страсть к этой науке, в которой он прежде всего любил и подчеркивал простоту. «У Ферми, – вспоминал Понтекорво, – я научился презирать научный авантюризм и субъективизм, не одобрять атмосферу «охоты за открытиями», царящую в некоторых исследовательских институтах, и от-

носиться с антипатией к тем, кто в физике усложняет дела, вместо того чтобы их упрощать. Те, кому посчастливилось заниматься исследованиями вместе с Ферми и работать под его руководством, всегда вспоминают его как непогрешимого «папу» физиков, как его называли все сотрудники института»⁶⁸.

В 1933 году в возрасте двадцати лет Понтекорво защитил диплом и стал ассистентом профессора Орто Марио Корбино. В это время он принимал участие в экспериментальных исследованиях Ферми и его группы, в частности в открытии медленных нейтронов. Эти исследования открыли дорогу известным практическим применениям нейтронов (ядерной энергии, изотопам в медицине и, разумеется, в военных целях).

Как вспоминает Понтекорво, «последствия этих исследований для некоторых членов группы Ферми оказались следующие: они принесли Нобелевскую премию Ферми, определенная слава досталась даже младшему участнику группы, все получили патент на изобретение, который спустя много лет был продан правительству Соединенных Штатов Америки за внушительную сумму, давно уже выплаченную изобретателям (всем, кроме меня), мне была присуждена премия министерства национального образования, благодаря которой я поехал в 1936 г. в Париж работать с Ф. Жолио-Кюри»⁶⁹.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

В Институте радия, а потом в Коллеж де Франс Понтекорво заинтересовался ядерной изомерией, над которой работал практически в одиночку (но пользуясь ценными советами своего второго учителя Ф. Жолио-Кюри), движимый некоторыми своими теоретическими идеями. Он предсказал существование стабильных (относительно бета-радиоактивности) ядерных изомеров и экспериментально нашел в 1938 году первый пример: кадмий, возбужденный быстрыми нейтронами. Он также предсказал, что переходы между изомерами должны, в общем, иметь очень большие коэффициенты внутренней конверсии, и независимо, но несколько раньше Г. Сиборга и Э. Сегре, занялся поиском и в 1938 году нашел на примере родия радиоактивные ядра нового типа. Наконец, совместно с А. Лазардом ему в 1938 году удалось получить бета-стабильные изомеры путем облучения стабильных ядер непрерывным спектром рентгеновского излучения высокой энергии.

Ф. Жолио-Кюри очень понравился эффект, открытый Понтекорво, и он назвал его «ядерной фосфоресценцией». Понтекорво послал свою работу, посвященную «фосфоресценции», Ферми, которому не было свойственно выражать излишнюю похвалу. Но в данном случае он прислал Понтекорво поздравление с «отличным результатом исследования». Это доставило Понтекорво откровенную радость, поскольку он был убежден, что Ферми, который в Риме называл его «большим чемпионом», прислушивался к нему толь-

ко как к эксперту по теннису. Вскоре за исследование изомерии Понтекорво получил премию Кюри – Карнеги.

В 1938 году Понтекорво женился на шведке Марианне Нордблом, невысокой светловолосой девушке. Через год у них родился первенец, которого они называли Джиль. Позднее в США у Понтекорво родились еще двое сыновей – Тито и Антонио.

10 мая 1940 года немецкие войска начали стремительное наступление на Западном фронте. В результате армии союзников были разгромлены, и 14 июня передовые части вермахта вступили в Париж. Понтекорво оставался в столице Франции до самого последнего момента. На велосипеде ему удалось пробраться на юг страны, где он встретился с женой, проделавшей этот путь по железной дороге. Из Франции Понтекорво с семьей перебрался в Испанию, а затем в Португалию. В Лиссабоне они сели на пароход, отплывавший в Америку, и 20 августа 1940 года сошли на берег в Нью-Йорке.

Оказавшись в США, Понтекорво устроился на работу руководителем научного отдела в одну частную геологическую фирму, находившуюся в городе Талсе (Оклахома). Там в течение двух лет он занимался реализацией геофизического метода зондирования нефтяных скважин, так называемого метода нейтронного каротажа, который до сих пор применяется в нефтяной промышленности. Однако денег Понтекорво зарабатывал мало, и поэтому, когда в конце 1942 года ему

предложили принять участие в «Манхэттенском проекте», он ответил согласием.

В начале 1943 года Понтекорво приехал в Канаду, где начал работать в Монреальской лаборатории в рамках англо-канадского уранового проекта. Несколько позднее он был назначен научным руководителем физического проекта создания ядерного реактора типа NRX в лаборатории в Чок-Ривере.

Теперь надо немного отвлечься и сказать о политических взглядах Понтекорво. Впрочем, лучше предоставить слово ему самому.

«Я придерживался левых политических убеждений, – писал Понтекорво в своей автобиографии. – С самого начала это было прежде всего связано с моей ненавистью к фашизму и, как я теперь думаю, с чувством справедливости, привитым мне моим отцом. С середины 30-х годов вплоть до 70-х мои представления определялись категорией нелогичной, которую я сейчас называю «религией», каким-то видом «фанатичной веры» (которая уже отсутствует), гораздо более глубокой, чем культ какой-либо одной личности.

Тогда, как и сегодня, я считал ужасно несправедливым и аморальным крайне враждебное отношение, которое Запад развешивал в конце войны к Советскому Союзу, который за счет неслыханных жертв внес решающий вклад в победу над нацизмом»⁷⁰.

⁷⁰ Там же. С.145, 140.

Поэтому не стоит удивляться, что с первых дней своего участия в атомном проекте Понтекорво, посоветовавшись с женой, принял решение информировать Советский Союз о работах по созданию атомной бомбы. Но сам он не мог вступить в контакт с советскими представителями и попросил сделать это свою старую знакомую, члена Компартии Италии. Она известна под именем Джемми и проживала в то время в Нью-Йорке. Понтекорво передал ей письмо, в котором подробно сообщал обо всем, что было ему известно о «Манхэттенском проекте».

Весной 1943 года Джемми пришла в советское консульство в Нью-Йорке и оставила дежурному запечатанный конверт с надписью: «Его превосходительству Генеральному консулу СССР. Лично». Ознакомившись с содержанием письма, консул Евгений Киселев немедленно передал его резиденту внешней разведки Василию Зарубину. Зарубин и его заместитель по научно-технической разведке Леонид Квасников сразу же оценили всю важность полученной информации. В Москве также не сомневались в точности сведений, полученных от неизвестного доброжелателя, которого окрестили Икс, и поставили перед Зарубиным следующую задачу: «. не упустить появившуюся возможность приобретения источника информации для более полного освещения проблем создания атомного оружия и разработать детальный план операции по установлению оперативного контакта

⁷¹ Чиков В. Нелегалы. М., 1997. Кн.1. С.184.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.